

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 21 (899)

НОЯБРЬ 1964

Рассказывает космонавт...

М. Анчаров «Венский вальс»

РАСИЗМ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

Новые стихи В. Навлинова

СМЕНА

орогой Владимир Ильич!

Податель сего, художник Бродский, один из талантливейших артистов кисти нашего времени, хочет сделать с Вас портрет.

Я полагаю, что желание его должно быть удовлетворено. Вряд ли кто-нибудь другой может передать для истории со всей желательной полнотой и яркостью Вас, как лицо, принадлежавшее отныне не себе, а человечеству.

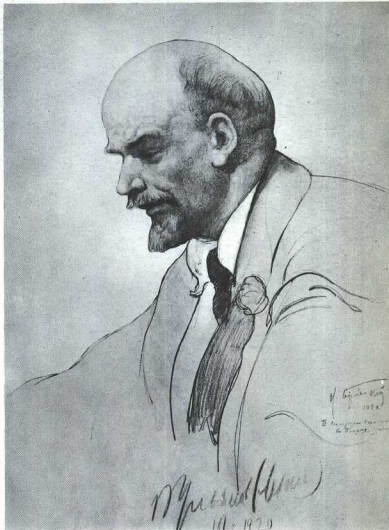
Тав рекомендовал первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский изолодо, но уже известного мастера живописи в своем письме к Ильичу.

Художник И. Бродский был одним из любимых учеников И. Е. Репина и от своего великого учителя унаследовал реалистические традиции русского искусства. Во время первой революции 1905 года он принимал участие в революционном движении студенчества Академии художеств, рисовал направленные против царского самодержавия политические карикатуры, а на академический конкурс эскизов представил композицию, изображавшую похороны верного царя. Работа эта, как и следовало ожидать, не была допущена на конкурс, и только Репин горячо отстаивал ее.

Великая Октябрьская революция захватила талантливого художника с первых же дней, и сразу сделалось ясно — писал он, — что позорно современнику, а тем более художнику, безучастно пройти мимо тех великих событий, которые не по дням, а по часам разворачивались перед нашими глазами. Я понял, что отобразить революционную эпоху и ее великих людей — долг каждого художника. На примере своего творчества, поставленного на службу революции, он наглядно показал огромное значение и роль искусства в создании нового, социалистического общества. Современник великих исторических событий, он много сделал для того, чтобы запечатлеть их для потомства, чтобы сохранить в памяти народа образ великого Ленина — сердце и мозг революции.

В Смольный художник явился не сразу — все не решался. А когда наконец пришел туда с рекомендательным письмом Луначарского, Владимира Ильича уже там не было. Совское правительство к тому времени переехало в Москву, и лишь в 1919 году Бродскому удалось впервые увидеть Ленина на митинге в Народном доме в Петрограде. Этот скромный, просто одетый и удивительно естественно державшийся человек внешне мало походил на героя. Но всем своим обликом он олицетворял драгоценный сплав концентрированной мысли, несгибаемой воли и целеустремленной энергии. Еще задолго до этой встречи, в 1911 году, И. Бродскому довелось во время своего пребывания в Италии слышать от Максима Горького о ленинском уме и его неординарности человеческой обликом.

«С нетерпением», — рассказывал потом художник, — Алексей Максимович ждал приезда Ленина на Капри и часто с увлечением мне говорил о нем, как о замечательной натуре для художника. Но знала еще а то время внешнее обилие Владимира Ильича, я уже хорошо по рассказам Алексея Максимовича представлял себе его со-

КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ...

кратского склада голову, всю его наполненную энергией фигуру, голос и даже манеру разговаривать».

В 1920 году во время работы II конгресса Коммунистического Интернационала в Петрограде художнику удалось наконец осуществить свое заветное желание: 19 июля в переполненном зале бывшего Таврического дворца Владимир Ильич Ленин выступил с программным докладом о международном положении и задачах Коминтерна. Получив пропуск на торжественное открытие конгресса, художник пришел туда пораньше, выбрал укромное место для работы недалеко от президиума и, находясь на расстоянии нескольких шагов от Владимира Ильича, успел довольно детально зарисовать черты его лица и профильный контур.

В этот же день Ленин выступил на митинге, посвященном закладке памятника Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, а потом вместе с делегатами конгресса отправился на Марсово поле, где участвовал в возложении венков на могилы Борцов за революцию. Здесь произошел курьезный случай, непосредственно связанный с одним из портретных набросков, который воспроизводится сегодня в «Смене» с личным автографом Ленина.

«В моей папке», — вспоминал об этом событии автор, — в законченном виде находился его порт-

рет, набросанный мной карандашом на открытии конгресса. Онутившись как-то около Владимира Ильича, я подав ему рисунок и просил его подписать. Пристально всматриваясь в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож здесь на себя. Окружающие нас стали горячо убеждать Владимира Ильича в том, что он совершенно не знает своего лица и что портрет, без сомнения, удачен. Тогда Владимир Ильич, усмехнувшись, принялся подписывать рисунок.

— Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен, — сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок».

После торжественного открытия вместе с делегатами конгресса Бродский выехал в Москву. В бывшем Андреевском (ныне Свердловском) зале Большого Кремлевского дворца, где продолжались заседания конгресса Коминтерна, художнику удалось сделать несколько новых натуральных зарисовок Владимира Ильича, а спустя некоторое время — еще один портретный набросок, когда Владимир Ильич на Всероссийской партийной конференции, проходившей в Свердловском зале Кремлевского дворца, выступил с речью по поводу переименования в Польшу.

Один из самых лучших рисунков И. Бродского с натуры — тот, где Ленин изображен на трибуне с листком бумаги в руке в момент произнесе-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕДИТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВЛКСМ

Год издания сорок первый.
Выходит два раза в месяц

31 (199) **НОЯБРЬ**
1934

ния речи на III конгрессе Коминтерна в 1921 году. Рисовать Ленина при его подвижности и богатой мимике было очень нелегкой задачей для художника. Не случайно близко знавшие его люди утверждали, что Ленин похож на себя лишь в кинематографе. На фотографиях же Ильич всегда разный. И далеко не каждому художнику, пытавшемуся рисовать вождя пролетарской революции, удавалось добиться успеха. Надежда Константиновна Крупская справедливо упрекала некоторых художников за то, что в своих работах они изображают Владимира Ильича статичным, бесстрастным человеком.

Станка социалистической революции была той житейской атмосферой, где лучше всего чувствовал себя он, профессиональный революционер, всю свою жизнь посвятивший борьбе за счастье человечества. Говорил Ленин всегда с увлечением. Страстность речи чувствовалась даже тогда, когда делал он это внешне спокойно. В упомянутом неброске Ленина на трибуне художником хорошо ставлены характерные черты Ильича: сила ленинского духа, интенсивная работа его мысли. Этот рисунок переживаетась с горьковской литературной зарисовкой: «Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильней жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью, и на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горди, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более ягучей и ясной. Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами, и слова, насыщенные ею, блещут в воздухе. Речь его всегда вызвала физическое ощущение неотразимой правды».

Один из первых значительней советской революционной живописи, И. Бродский, создал целый ряд портретов и выдающихся антофигурных композиций, являющихся своеобразными историческими документами нашей эпохи. Широко известны его монументальные полотна, посвященные выступлению Ленина на Путиловском заводе, расстрелу 26 бакинских комиссаров, заседанию Реввоенсовета. Но одной из самых популярных

На III конгрессе
Коминтерна.
1921 год.

работ художника, выдержавших испытание временем, является, без сомнения, его картина «Ленин в Смольном», размороженная в десятках миллионов экземпляров. Первоначально автор хотел дать картине другое название—«Декрет о земле», но потом передумал, решив, что это несколько сумает тему. Художник с исторической точностью изобразил уголок ленинского кабинета таким, каким он был в ту пору. По словам художника, детально изучившего материал, все было именно так в этой комнате, когда в ней жил Ленин. «Я не мог позволить себе ничего изменить в угоду приверженцам «княжесности». Материалом для образа Ленина в этой картине художнику послужили его натурные зарисовки, сделанные на конгрессе Коминтерна. Об этом напоминает интересная документальная фотография, запечатлевшая рабочий момент одного из заседаний конгресса в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. На этом историческом снимке мы видим Владимира Ильича, сосредоточенно записывающим что-то в небольшую тетрадь. Немного позади за сто-

лом — седой человек в очках. Это известный портрет М. Н. Покровский. Рядом с Лениным — редактор «Известий» Ю. М. Стефанов. На фоне затейливой лепки и богатой резьбы пристроился художник с альбомом. Это И. Бродский.

Большинство ленинских портретов выполнено по фотографиям и оттого страдает отсутствием живого сходства. Особую ценность представляют поэтому немногочисленные зарисовки, сделанные с натуры.

С чувством благодарности вспоминаем мы сейчас тех немногих художников, кому удалось в те далекие годы наблюдать Ильича, общаться с ним, запечатлеть для потомства его живые черты. Среди них по праву одно из первых мест занимают портретные рисунки художника И. Бродского.

С. БУРДЯНСКИЙ

В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Дорогие земляки!

*Написал о редакционной группе
книжку, но ее временная советская
муфта. Однако в ближайшем
будущем — ищите книгу.*

До встречи в Москве.

Ваш спец. корр.

Г. Ефимов

*Р. С. Кетани, Великий прослав
биологический. Вместе со мной
в космосе победил редакцию
отличной группы журнала „Смена“.*

Б. З.

У так, выполняю свое обещание. Откровенно говоря, сделать это не так просто. И вовсе не из-за нехватки времени. Видите ли, дело вот в чем. Быть журналистом по совмещению с должностью врача-космонавта чертовски трудно. В самом деле. Профессиональные журналисты также же настоящие в своей работе люди, как любой другой, любящий свое дело человек, и даже немножко больше. Получить наиболее интересные сведения в интервью для них такая же важная задача, как для физика, химика или врача добиться успеха в эксперименте. И вот на космодроме, а затем на многочисленных встречах и пресс-конференциях они буквально «вымачивали» из нас все самое интересное. Отказать им было просто невозможно.

Вот сейчас, св писать корреспонденцию для нашего журнала, особенно ясно понимаю это. Но командировочное удостоверение «Смена» обзывает.

СЕДЬМОЙ

ВОСЬМОЙ

ДЕВЯТЫЙ...

Запирали их в сурдокамерах,
В бесконечности немоты,
Не железных людей, не
каменных,

А таких же, как я и ты.
Испытание одиночеством
Перед тем как в далекий путь...
Человека увидеть хочется,
Улыбнуться кому-нибудь!
Отправляется в мироздание
Космонавт — человек земной,
Продолжается испытание
Одиночеством, тишиной,
Продолжается, не снимается.
Вот летит он, глядит во тьму.
Даже сердце у нас сжимается:
«Каково ему
Одному!...»
Не свыкаем с мыслью этою:
Мы же чувствуем, что почем.
...Как прекрасно, что над

планетой
Три героя — к плечу плечом!
Улыбаемся понимающе
Им в космическом далеке:
Хорошо, что твои товарища
Прикоснется к твоей руке,
Что и в космосе обнаружится
Почитаемое всегда
Сотарищество, содружество,
Побратимство людей труда!

Олег ДМИТРИЕВ

Когда я показал эту командировку своему другу, секретарю комсомольской организации космонавтов, он засмеялся и спросил:

— У кого командировку отметить будешь? В небесной канцелярии! Я вспомнил об этом на втором витке нашего полета.
— Что так весело! — спросил у меня Константин Феофанов.

— Да так... Я пощупал карман на груди. Там вместе с десятью комсомольскими значками лежал и редакционный значок «Смена», знак моей «подпольной» причастности к журналистике.

«Причастность» есть, а вот материала для журнала совсем не осталось. Что делать? Выдумать, как только будут дописаны последние страницы работы о полиэфирной оценке состояния рецепторов вестибулярного аппарата человека, ее самые интересные главы я предложу именно нашему журналу. Сложность названия не помеха. Многие полне-

ния, высказанные в работе, вполне доступны самым широким читательским кругам.

Вот выдал такой навазис и тут же вспомнил, что надо сейчас же позвонить на работу и узнать, нет ли новых данных из обрабатываемой информации. Надо, но... Бориска не отпускает. Бориска — это мой двухспловогодичный сын.

Когда я вернулся из космоса, мне рассказали, как досталось бедному Бориске из-за того, что его отец отправился в полет.

Случилось это через час после того, как было объявлено, что «Восход» находится на орбите. Журналисты ринулись ко мне домой и стали брать интервью. Бориска никогда не видел в квартире так много народа сразу и, естественно, растерялся. Дух его был спокоен. Это не ускользнуло от внимания корреспондента радио. Подставя к самому Борискиному лицу микрофон, он требовал:

— Передай привет папе и его ко-

сметским друзьям. Ну, скорее. Ну, скажи что-нибудь, вроде: привет от важного покорителя космоса!

Бориска пока говорит только несколько слов. И, пытаясь найти защиту, одно из них он проревел: — Па-па!

А вот насчет котважных покорителей так ничего и не сказал. Если Бориске досталось потому, что журналисты знали: он член семьи космонавта, то Элле, моей жене, — именно потому, что о наших родственных отношениях никто в... парикмахерской не знал.

Вот женщины, они обязательно отправятся в парикмахерскую в самый неподходящий момент! Девушка-парикмахерша в это время было вовсе не до посетителя. Они обсудили полет «Восхода». Потом та, у которой сидела Элла, ушла. Затем вернулась на минутку и опять отошла от кресла: передавали очередное сообщение о нашем полете. Наконец, подойдя к Элле, она сказала:

— Говорят, Егоровы здесь недалеко живут. Сейчас его жена придет. Я ее так причащу! Как богиню!
Элла посмотрела на свою голову. Причесан богинь выглядела явно не так.

Несколько дней назад, вспоминая о том, как проходил наш полет и как мы вели себя, я рассказывал своим друзьям, почему так весело смеялся на втором витке. Как ни странно, Владимир Комаров и Константин Феофанов абсолютно асерезь приняли восторженную реакцию журналистских абзацев. Командир «Восхода» сказал:

— Раз так, передай читателям своего журнала наш самый искренний и большой привет. Это наш привет всей советской молодежи.

Борис ЕГОРОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза,
специальный корреспондент
журнала «Смена».

ТРИ ДНЯ НА ОБИ

ТАЕМОМ ОСТРОВЕ

Сколько лет этой сосне? Стой Иди больше! Не раз пыталась поवादять ее морские ветры. Не раз хараства по ней яростный дождь, а она все стоит на обрыве и машет морю своими мускулистыми ветвями. Море сегодня спокойное, ласковое. Бывает не свинцово-серое, как принято писать о Балтике. Оно вообрало в себя всю синеву неба, все золото солнца.

Марет прислонилась щекой к шершавому стволу, задумалась. За плечами у нее средняя школа, а впереди... Марет знает, кем она хочет стать: радиофизиком. И станет.

Марет засмеялась. И две девушки, что загорали внизу, на белом песке, тоже начали смеяться. Так, беспричинно. У них просто отличное настроение.

— Ма-а-арет! Ма-а-арет! Иди сюда! Марет вприпрыжку сбежала вниз. Над лесом, над морем летит задуриный мотив «Вики». Это Лайма Лахт играет на аккордеоне, а парни и девушки тут же, на поляне, танцуют плазоблизируясь им польку. Впереди всех — Марет Приске...

Кто они, эти ребята? Наверное, туристы, решит непосвященный, увидев

Фото
М. МУРАЗОВА

фотоматрию брезентовых палаток. Но он ошибется. Это лагеря участников Летних дней молодежи. Праздника совершеннеличия. Новой, советской комсомольской традиции, пришедшей на смену пахучей ладаном конфирмации.

Когда ввязалась над Эстонией красное знамя свободы, затрещала по швам и церковная система оглушения, олурамливания людей. И все же в 1936 году в республике конфирмовалось более 10 тысяч юношей и девушек. Шло это падас даже не от веры, а от атрIBUTES, сопровождающих обряд: новый костюм, торжественное шествие в церковь, органичная музыка, зрители, цветы. А между тем...

Это было сорок два года назад. В Тарту, на улице Аксиса (ныне улица Летнее), в Рабочем доме собрался совет молодых рабочих. Ханс Яеэмаани и Рудольф Пильсон — один из первых коммунистов Эстонии, тогда еще совсем молодые люди, — были организаторами этого торжества. В Рабочем доме в тот день состоялся

возросло до семи тысяч. Количество же конфирмуемых в церковь снизилось почти в двенадцать раз. Но сегодня Летние дни вышли уже за рамки атрительного мероприятия и стали неотъемлемой частью жизни молодежи, крепкой комсомольской традицией.

Центральное событие праздника — трех-четырёхдневные лагеря, куда съезжаются юноши и девушки. Об одном из них, что располагался на острове Сааремаа, наш рассказ. Вернемся к на остров и посмотрим, чем заполнены будни ребят.

— Подъем! — командует Айнор Вяли, командант лагеря.

Из палаток выскакивают заторевые парни и девушки с полотенцами через плечо. Их ждёт море...

Днем — отады, игры, чтение интересных книг. А вечером — костер. Потрескивает хворост, фейерверком всплывают искры. В палатку то ли отблески пламени, то ли радостный огоньки, зажженные только что ра-

ры, свинарки, рыбаки и строители задают художнику вопросы.

Позже Юла сказал мне:

— Я впервые на Летних днях. До чего это здорово! Не знаю, что и дать этим ребятам, но они мне — много. Слово росы папаса...

Сегодняшний день особенно богат событиями.

Только что кончилась лекция директора Книгасепского музея Тимоутеса Алина о революционном прошлом Сааремаа. И вот уже кто-то кричит в мегафон:

— Вынимайте! К нам приехал Василий Райс!

Ребята окружают высокого седлого человека, одного из основателей комсомола на острове. Расположившись на полке, Райс рассказывает им о нелегкой подпольной работе комсомольцев в буржуазной Эстонии, о пяти годах, проведенных им в тюрьме по милости буржуазного правительства, о том, как спрятались в годы войны прятал его от фашистов.

Сборная лагеря играет с кингисепской командой «Калева». Немного приходится вымолить такие упорные источки и тактике неутомимых болельщиков. «Совершеннеличия», к общей радости, победил «профессориналов» со счетом 3:1.

Опустыла за Деревья слыние, вспыхнул костер. Теперь с ребятами беседует режиссер театра «Эстония» Уадо Вяльютес. Затем перед ними выступают ветераны войны, бывшие заключенными фашистских концлагерей. В титине звучат слова немилости к фашизму. А когда ночь бросила в небо пригрозивую звезду, ребята, построившись в колонну, с торжественными фразами в руках двинулись в Теухари. Давалась лет назад, осенью 44-го, здесь разогрелась жестокой вой с фашистами. Каждый год во время Летних дней юноши и девушки приносят венки к скромному обелиску, увековечившему подвиг советских воинов.

Последние дни летних праздников юности превращаются в массовые всеобщие празднества. На острова

Молодежным праздник — это и беседа с лауреатом Ленинской премии Юханом Смуулом, и вручение диплома совершеннеличия, и много других интересных встреч и событий.

первая гражданская конфирмация. Все сорок в торжественной обстановке дава клятву до конца жизни бороться против буржуазии, за свободу и счастье народа.

И вот в 1937 году комсомольцы Пайдского района республики решили провести свой сельский молодежный торжественно отметить день совершеннеличия. Так прогласилась через десятилетия нить, связывающая первых коммунистов Эстонии с нынешними комсомольцами. На первом празднике в местечке Вялята было всего 30 человек. От них и пошло это простое, а теперь такое популярное в Эстонии название — Летние дни молодежи. Постепенно ежегодное число участников Летних дней

зучиной песней. Композитор Велло Ашина поставил на Летних днях молодежи Сааремаа. А молодая поэтесса Хельги Муллер, автор слов, сама привезла ее ребятам. Хельги читает стихи — об острове, о юности. А ребята все просят: «Пожалуйста, еще!» И Хельги читает...

В этот полуденный час в лагере остается только дежурные. А остальные двести парней и девчат отправились в совхоз «Сырве» скрывать сево. А вечером — задушевная беседа с талантливом художником Юла Тедемом. Он показывает свои работы, говорит о роле изобразительного искусства в эстетическом воспитании человека. Молодые механізато-

Но самое главное событие дня вперед — торжественный прием в комсомол. Заместитель секретаря комитета комсомола Вяино Круузер еще раз внимательно просматривает заявления и анкеты.

Первый вопрос — шифовнице Миральде Саар. Ох и волнуется она! Но вот Вяино уже поздравляет девушку, а Василий Райс прикладывает ей на кофточку комсомольский значок. И тут же гром аплодисментов, тух.

Дворяк Имби Кию и воспитательница Лейсада Юла, как старейшины в Хейкки Кивмяя и шофер Ааро Тамм стали в тот день комсомольцами.

Взлетает над поляной волейбольный

присажуют родители и родственники, чтобы пожелать вместе с молодежью, отметить их совершеннеличия.

Сейчас, когда я думаю о замечательном празднике юности Эстонии, мне вспоминаются слова участника Летних дней молодежи в Тарту Аарно Лайка: «Разве церковь поладит тебе хорошую песню? Разве может она дать тебе радость? Разве слова пастора помогут выковать нашу дружбу? Нет! И песня, и радость, и дружба без весту нам наших мужественные будни, наши Летние дни молодежи».

Г. ВЕЯЭЛТА

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Я узнал, что такое усталость,
После солнца в папучку входю.
От усталости солнце штанталось,
И трава за ботинки завязалась,
И мячм влейбойном моталось
Нибом в серой «васьмеле» дождя.
Кто-то спал с меня тую рубашку,
Кто-то спалился мешок расстелил,
И, подваращився садям,
С размазу
Сон ударил меня — и спалил.
Он синицкой мое тело наполнил,
Садил и прохот и тут голосом.
Ничего я не слышал, но помнил
И проспал восемнадцать часов.
Я проснулся.
По пути паромом

День, вздыхая, ушел на ночлег.
Гром катился по небу ночьюю,
Как колеса огромных телег.

Черный дым, словно флаг, развевая
В пятках ноим, в пыли огоньком,
Будто крейсер, плыла Бурава
По колоссальной просторам песком.
Имались туны оранжевой масти
За далекий сирой океан.
За меня, встав у тормоса, мастер
Юра Лебедев делал подъем.
Колопадо.
Порывистый ветер
Колебал половину луны...
Ничего нет труднее на свете,
Чем подвезься с большой глубиной.

ЛУННАЯ СОНАТА

Ты поминишь, гаснущего дня
Порывы снагована?
В консерваторию меня
Ты повела впервые.

Метели колоссий дымок
Снег на снемном фоне.
Я с детским телом терпеть не мог
Рансидий и симфоний.

Навстречу с пылками идут,
Такси летят к Арату,
А я в нудат;
Меня ведут
На «Лунную сонату».

Ох, до чего ж мне было жалко
Часы терять на это!
Сейчас начнут стучать в роль
И не погасят света...

Померк беспись ламп носии,
И в наступившем Араде
К роллю подождала толстия
В смешном хвостом френке.

Возник щемящий слабый звук
И поинкис устало,
И жалко чего-то стало вдруг,
И в горле зашумало.

И детство вспомнилось опять,
Обиды и заботы.
И я перекуде жду, а мать
Спит тихомой с работы.

Война. Мелеское жопье.
Не каждый день мы с тыми,
И пальцы тонкие ее
Машинною отблты.

И вдруг я вижу своего
Отца, еще живого!
Отца... Он и выдал его
С конца тридцать седьмого.

Он трюны царские делал,
В Хибинях скалы рушил,
А вот стихов не понимал
И музыке не слуша...

Кудые пальцы бледных рук
О многом рассказали.
Но руки опустились вдруг,
И тихо стало в зале.

Куда-то адаль притихний зал
Глядел недвижнмом взглядом,
И я внезапно услышал,
Как ты воздушно рядом...

На сонной площадке темно,
Безлюдном тротуары.
Ты вышла замуж, и двоим
Сломали дню твои стэрый.

Лишь забнет чашка вода,
Как в юности юности,
И ночь прозрачна и светла,
Как «Лунная соната».

БАРВИХА

Тревожный дух леяков,
Прохлада и покой,
Барвиха — что такое!
Кустарник за рекой!
Лопух, лесное ухо!
Сосна, звенящий глухой!
Драчуная шарука
С березовой клююкой!

По клеверу и вике
Завит уходит прочь,
Сказоч заросли Барвихи
Кредется кошкой носом.
Барвиха сморгит косяк,
Согнув хребет дугой,
Свою причиносую
И бабою-гой.

Барвиха — это лицо,
Нежданная беда!
Барвиха — это лицо
Поющая вода!
Барвиха — это флор
Родильши и шифер!
Иль огненные злем —
Ночные поезда!

Нет, все гораздо проще:
Барвиха — путь восточный,
В сакура туманные рощи,
И огоньки в домах,
В окне — мелькающие танцщи,
В соседнем клубе — танцы,
И на небе румяницы,
И сосны на долах.

А днем — трава и ягтя,
И криши дальних дач,
В купальниках девчата,
И влейбойный мяч,
Грози глумья взрывы,
Песчаный обрывы,
И снеие занави,
И смех, и детский плач.

Клевет Барвихи много,
Теперь не до чудес:
Девочкою смуглоюй
Блещет со мною в лес.
И сосны шумят тихо,
Вставая из травы,
На станции Барвиха
У города Москвы.

ПЕСНЯ

Апрель шестелит в листья,
Безумно трюллоблусе ичигос.
Идет человек по Москве,
Насквистывая, как птица.

Что делает!
Ничего!
Долой идет работая,
И все кругом — для него
Все, как говорится, блага.

Идет себе просто так
И с неба не сводит взгляда.
Не так уж и много блага
Ему, человеку, надо!

Смешио сказать, лустики:
Бульвар с молодой травкою,
Два любящие руки,
Да криша над головою,

Да дружеское плечо,
Да ветер апрельский шальня,
Да песенки...
Ну, что еще!
А это и все, пожалуй!

Бывают — не без того! —
В судьбе его неполадки,
Но песия есть у него,
И, стало быть, все в порядке

ДВА ГОГОЛЯ

Мороз.
Какой-то поздний снегод
Два голубовиски дера,
Надломленные, печальными Гоголь
Ты гляди из глубины двора.
Он чувствует: окончил путь,
А сделано еще так мало.
Прямые волосы устало
Упали на худую грудь.
Он слышит отдаленный вояи
И утомленно стипну стоборит:
Его поверт в лучнну стоборит
Нестовый Виссарюи.

По площади пудрой и голый
Мателл петляет и нудит,
И Гоголь, мудрый и вельсий,
С бульвара сненого глядит.
Он добр.
Он слабее не обидит.
Горда осанка и легка.
Он будущую Русь провидит
Из злогостного далекя.
Он дружен с Пушкиным, и сам
Кремль волосы устало
И легкая, как тень, усмешка
Скользит по бронзовым усам.

Пушистый снег мнелой перини,
Тухл дверей не отворить...
Два Гоголя неприимрима.
Их невозможно приимрима.
Вдоль улиц заывает зылога
И каинт синеие снега.
Молчат, не смотря друг на друга
Два Гоголя, как два врага.
Врандуя донос и устало,
Они тоскуют по нудит.
Да, гениальности начало —
В неприимримности начал.
Метель о стены бьет с разбегу,
Идт мираи море, и глущь,
И волны синеие по снегу
Бегут, как тени мертвых душ.

ЧТО СКАЗАЛ БЫ
ПАЦИФИКУС?

«...Пеноторые историки
заоборетнне часов
притисмывают Пацификусу на Веронии
БСЗ
(9а.)...»

Интересно, что сказал бы
этот самый гениий-самочуица, де-
вердись ему попасть туда, где
работает Эльвира Савина и где
подруги! Белоснежные гала-
ты... Белоснежные шарляны-
губрваны... Уж не владели ли
этот почтеннейшего Гиппократа-

Нет, уважаемый Пацификус.
Здесь царство не ладнони, а
часовых дел мастеров, ваших
последователей и продолжате-
лей. Они правды совсем не по-
хонии на тех, кто окружал тогда
то вас. Но ведь вы сами, что
они делают, совсем иные. Ниче-
го не подделывая. Земля поста-
вила и поинирила, а она на-
давать явюи. И хвот времени,
которые отсчитывали ваши ча-
сы, Пацификус и их товарищи от-
считывают часы, означающие
год рунани эти двадесяти а бе-
слесных носанкн и хала-
тах.

Их большинство на заво-
де. И все они разные. Но их
многое объединяет. И являи, в
которое они иудити, и однаи-
и, которое они не без спелка пы-
таются заточить в прощелочные
моробочии, начиненные деся-
тками таких часовых механиз-
и и рассмортреть-то можно
лишь в лугу. Ту самую лугу,
что заводит притисмывается на
уду каждой из деушек.

Эльвира Савина, чей порт-
рет помещен на нашей облож-
ке, не геронии. Она не совер-
шила ничего выдающегося. Но
она типична и для нашей стра-
ны, и для нашей Москвы, и для
часового завода № 2, и для
сборочного цеха № 22, в кото-
ром работает и который несет
звание коллетиива коммунистиче-
ского труда.

Именно тем она и хороша.
Девушка пришла сюда после
десятилетии. Это не было слу-
чайностью: на часовом заво-
де почти все ее подруги.

И все-таки Эльвира недооче-
нила всея сложности своего про-
изводства. Несмотря на опыт и
терпение Надежды Савиной и
моторей ее приимрима, несмот-
ря на старания инженеров,
обучающихся ее теории, и деушек
иначеи ничего не получало-
ся: детали не шлифовались,
мелки своей жизнью, пальцы,
явред бы лозавие, не слуша-
лись...

Прошло два года. Всего два
года! Но сколько неизменений!
Появились и знания и масте-
рство. Теперь Эльвира и ее
сообщница, а контролер. Ее до-
верие определяет годность ча-
сов — еще их опятают, еще
бде ифрбраты, стрелки и нор-
псы — еще их опятают, еще
для передачи «регулирующие»
механизмы, которые определяют
точность хода. Потом внешнее
оформление. И вскоре — после
контрольных измерений — они
попадают на прилавки магази-

Сейчас номоснола Савина
и ее подруги выискивают ладучи-
ные часы «Славянка». Прогля-
вшие, легкие, они навернона
поинравлены бы им иудити
Пацификусу, хотя в это время в
Вероне была другая модя.

РАСКАЗ

После того, как снаряд попал в МГУ и перебил мне ноги, я ползла по планете, залитой тавотом. Пятно тавота на грязном снегу — вот все, что осталось от моей МГУ, от Молочной Говардшей Установки, через которую я целый час агитировала немцев садиться и заводил им вальсы Штрауса. Это было не под Берлином, а под Москвой, возле деревни Ренциц, от которой осталось одна изба.

Я доползу до нее и, перевалявшись через порог, проведу в этой кате остаток своих дней. Судя по тому, как быстро немели ноги, этот остаток исчисляется минут в двадцать. Ровно столько, сколько осталось до моего наступления. А у свое дело сделал. Могла бы на нейтральной полосе на грузинские и отравлял эфир вальсами Штрауса недалеко от моста, который, вообще говоря, следовало бы взорвать, чтобы переверты дороги из танкам.

Я полза и борнотал, что не это лиг перед, его мысленным взором пронеслось все его прошлое, а сам думал только о будущем. Я знал, что перед уходом в иной, лучший мир человек должен предаваться воспоминаниям о прошлом. Но я думал только о будущем, о моем лучшем мире, о тихом уголке, вроде этой избы, где проведу я остаток своих дней, где можно будет наконец устроить свою личную жизнь. Я вполза в пустую избу, с трудом втащи на залпаванный пол (вероятно, здесь побывали саперы) усовершенствованную мою радио, и силы немали помаленьку оставлять меня. Внезапно за окном раздалось фырчание и кашель мотора, у которого вышел весь бензин. Потом послышались шаги. Вошел немецкий офицер в русском тулупе алявдику, держа в руках два пистолета «вальтер». Он скинул тулуп на пол и остался в шинели с эссовскими нашивками. У меня задрожали веки, и я прикрыл глаза. Я узнал «красавца мужчину», человека с уснами, который уловил в машине Катарицу. Сквозь ресницы я увидел, как эссовец вытаскил из кармана еще два пистолета и положил их на скамью. Потом он огляделся и направился ко мне. Он наклонился, вытаскил из моей юбке «ТТ» и сунул его в карман шинели вместе с запасной обоймой. Потом он опустился возле меня на ковчег, сиречь, щегольским сапогами. Я чувствовал на себе его взгляд. Эссовец расстегнул у меня карман гимнастерки и вытащил солдатскую книжку и комсомольский билет. Я не выдержал, открыл глаза и понял, что эссовец узнал меня: он держал в руках карточку Катарины.

Ангстр.— годоворот фашист, глядя на меня угрюмыми глазами.— Прекрасно...

Я с немнестной глажу на его проклятые уски и, собрав все силы, плюю в его хоевое лицо. Но сил у меня мало, и плювок, не долетев, падает на кочич начищенного сапога. Эссовец берет мою ушанку и вытирает

ВАНДИКИЙ РАССКАЗ

сапог. Он всегда был чертовски аккуратен. Потом, взяв меня под мышки, он тащит меня в дальний угол, и я стараюсь не стоять. Он кладет мой пистолет рядом с другими на скамью. Вытаскивает из запасной обоймы один патрон, обойму кладет на скамью, а патрон прчет под шинель, в карман френча. Он всегда был чертовски аккуратен. После этого он раздвигает верхней лопаткой доску пола и опускает в щель мою солдатскую книжку и комсомольский билет. Взаз за лямку тяжелой радио, он вползает ее по полу в мой угол, и она почти совсем загорживает меня. Потом он идет к двери и останавливается, заложив руки в карманы шинели. Снаружи слышны голоса немецких солдат и топот ног. Дверь открывается, и на пороге показывается эссовский офицер.

— Хенде хох! — говорит он, поднимая пистолет.

Но у «красавца мужичин» два раза ползает пламенем карман шинели, и ващедий офицер валится лицом вперед, не успев выстрелить. А человек в эссовской форме закрывает ногой дверь и наклоняет щегольскую. Дверь мгновенно прошивается автоматной очередью. Я закрываю глаза и слышу крики солдат, неистовую дробь автоматов, удар стекла и редкий треск пистолетных выстрелов, гулко раздающихся в пустой избе.

В эти мгновения прошлое стало пронисаться перед мной мысленным взором. Так, кажется, пишут в прозах романах. Это прошлое было, как старая кинолента, все в дождике царали от многочисленных просмотров.

Тогда мальчишкам по ночам снилась Испания. В одесском порту таможенники вылавливали школьники, пробравшихся на пароходы. Пароходы привозили революционных эмигрантов со всего мира. Революкторды рвели «киташу». По сходным спускались черноволосые дети. И женщины, с глазами, горящими, как у Пассионари, кутали их в клатчатые пледы. Как раз в это время я влюбился. Это случилось, как удар грома.

Послышался удар грома. Первые капли дожда упали на асфальт, и люди кинулись в подвороты. Я поспешил в подъезд. И тут я увидел девочку. Я никогда еще не встречал таких. Она была мох лат. Блондинка с голубыми глазами, как на картинке. Девочка почувствовала моя открыл и повернула голову. Она была не такая, как все. Обычно девочки отворачиваются, если на них смотрят мальчишки. А эта глядела на меня взглядом и дружелюбно. Я хотел что-то сказать, но не сказал. Девочка улыбнулась мне приветливо, она вышла на асфальт и, спокойно перейдя двор под дождем, скрылась в подъезде противоположного дома. Я проглотил ее взглядом, потом кинулся за ней. Вбежав в подъезд, я успел заметить, как девочка вошла в квартиру на втором этаже. Я напрасно ждал ее. Может быть, она вышла через черный ход. Много дней я спонялся около подъезда, надеясь встретить ее еще раз, но девочка больше не появлялась. Много раз я поднимался на второй этаж этого дома, но не решился позвонить. А если бы и решился, то боялся бы спросить о ней.

Я возмус с учебниками. Мама встала в комнату, кладет на стол портфель с чернильной кляксой и устало поправляет волосы.

— Алеша, ты обедал?

— Ага.

— Устала... Шесть часов сегодня. Пятые классы самые тяжелые,— говорит она.— За квартиру уплатил?

— Ага.

— «Ага»,— говорит она грустно.— До чего ты неотесанный!.. Вот что, мне сейчас сдать зачеты. Подойди со мной.

— Куда?— удивился я.

— К вешнему Краусу на дом. Он австриец, преподает у нас на законном. Два года всего, как приехал. Посмотришь на культурного человека. Хоть манерам поучиться. Переведем рубку.

— Что это я пойду?— говорю я, рассердившись.

Мы с матерью идем по переулку. Булыжная мостовая уходит под уклон. На одной стороне, среди деревьев, стоят деревянные дома, на другой — одинаковые четырехэтажные корпуса, покрытые розовой штукатуркой. Угловые балконы выкрашены в белый цвет. Мы спориливаем в зеленые ворота, куда в коридоре расставлены досрочные. Мы идем у нас под ногами. Проплывають зеленые палисадники, за которыми ничего не растет. С деревянных ащиков на балконах поглядывают анютини глаза. Мы подходим к подъезду, и мать озобачено поправляет мне ворот ношки рубку.

— Дернись как следует,— говорит она.— Не отвечай «ага»... Руки в карманах не держи.

Дверь нам открывает высокий человек, похожий на ертиста Жакова.

Сухое лицо. Чуть вздрыгнул как с длинными ногарями. Трубка во рту. Молния куртка на молнии.

— Держи маму! Он вынул трубку изо рта и приветливо улыбнулся.

— Пожалуйте, покажите. Ваши уже здесь, — сказал он и, прогустев в ее двери, поцеловал в нее руку.

— Мама торжественно посмотрела на меня.

— Это мой сын, — сказала она. — Алеша.

— Очень приятно, — ответил Краус и, как равному, пожал мне руку. — Краус.

Мы прошли в большую, светлую комнату, где стояла тарта, письменный стол с вращающимся креслом и длинная полка с книгами в пестрых обложках.

Из соседней комнаты доносился голос, повторяющие спражания глаголов в инфинитиве. Мать с Краусом начали говорить о чем-то, но я не слышал ничего. Я смотрел на фотографию над столом. На ней была та самая девочка, и глаза ее смотрели спокойно и печально.

— Познакомись, Алеша. Это моя дочь, — как в тумане доносится голос Крауса.

Я багровою, отворачивался от фотографии и багровою еще больше. Прямо передо мной стоит та самая девочка и всеоо смотрит на меня.

— Катерина, — говорит она и протягивает мне руку. — А вы Алеша?

— Ага, — отвечаю я.

— Вот вам билет на два лица, — говорит Краус. — Сегодня у нас в институте интернациональный вечер.

— Но почему мальчишкам синглас Испания. Пароходы привозили эмигрантов со всего света...

На интернациональном вечере хор пел «Красный Веддинг», хор пел еболотные солдаты, хор пел «Говаридия в торьявах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нам не понимаю, что она нашла во мне. Мы любим друг друга. Это замисляю, когда мы готовились к экзаменам за девятый класс.

— Я им еще покажу! — говорит я Катерине.

— Кому?

— Фашистам.

— Если бы ты знал, какие они! — говорит Катерина, и в голосе у нее отражение. — Если бы ты знал...

...А как я ее ревновал! Господи, как я ее ревновал! Мы были одноклассниками, но я был мальчишкой, а она взрослой девушкой. Нам уже было по семнадцати лет. На нее многие обращали внимание, а на меня — только она одна. Я до сих пор не понимаю, что она нашла во мне. Мы любим друг друга. Это замисляю, когда мы готовились к экзаменам за девятый класс.

В этот день мы с учительницей Анастасией Григорьевной должны были поехать в провинцию. Но я не стал поехать в провинцию, а услышав свист за окном, пробравшись по партам и прыгнув в окно со второго этажа прямо на крышу угляющего шалка. Я сам научил Катерину свистеть в два пальца.

Мы пошли в Измайловский парк, где в летнем кинотеатре еще шел «Большой валльс». Катерина его только любила. Особенно то место, где вдруг странный, гибкий, как хлыст, человек в клетчатом сортуке пролетал по столбикам нафре на эстраду и ввязывал длинными руками.

— Я люблю тебя, Вена! — вскрикивал он высоко и пронзительно.

И я отлетел ему вскрикивала смичик:

— Горнчо, нежно...

На экране взлетали вверх белые рукава. Летели в танце высокие женские ноги. Пола чаялся, как в бурю, и волны юбок пеласкиса пной кружева. А высокий певец на эстраде все михал руками и пел, пел, сверкая из-под волос белыми зубами, и изгибался в такт Большому валльсу.

— Мне чувство нетленно... Я в Вену влюблен...

И горнчие женские глаза глядели с экраня змельно и тревожно.

Потом толпа вываливала из двери кинотеатра на горячий асфальт, люди толпалис и смеялис, и гревел в репродукторах гимн старой веселой Вены, где еще и слышно не слышали о фашистах.

Держась за руки, мы шли по песчаной дорожке, которая вела туда, где среди зелени деревьев искрился и плылвис измайловский пруд и колыхались лодки.

Мы услышали крики издалека.

— Крики!

Группа ребят и девочек стояла на дорожке с велосипедными и макала руками.

— Это наши, — сказала я. — Пойдим к ним.

Мы подошли к ребятам.

— Мы твой велосипед пригнали, — сказали они.

И унесис по шоссе.

Мы с Катериной пошли по дорожке. Она поглядывала инквированный Рубль.

— Как покатываться хочется! — сказала она.

— На.

— Я не умею.

— Эх, ты!

— А?

— У меня никогда не было велосипеда.

— А?

Мы пошли, держа велосипед с двух сторон.

— Знаешь что? — говорю я. — Прости меня, я дурак. Знаешь что? Давай я тебя на раме покатаю, хочешь?

Катерина радостно кивает головой.

Я подожку велосипед и склемаю. Она встает на склемаю и садится на раму, свесив ноги в одну сторону. Я разгоню велосипед. Катерина вцепилась в руль и смотрит вперед. Я вскакиваю на седло и выезжаю на дорожку. Рядом с моей цюккой — горячая шека девушки.

Шека идет чуть выше в гору, и с ее усидьями кручу педали. Я тяжело дышу. Велосипед катится медленню. Мы едем молча.

— Катерина, я тебя... — говорю я, — давно хочу спросить...

Дорога полатет нам навстречу.

— О чем? — спрашивает Катерина.

— Откуда ты знаешь русский язык? — спрашиваю я бодрим голосом.

— А-а... — говорит Катерина и переводит дух. — Его мой папа знает с молодости.

— Все о молодости? — удивляюсь я.

— Он в России в плену был. А потом в Интернациональной бригаде.

— Это же в Испании Интернациональная бригада.

— Нет. Сначала в России была.

— Я не знала, — говорю я. — Знают, правда?

— Нет, — говорит Катерина, — первая в Парижскую коммуны была. В ней русские участвовали.

— Из последних сил я жму на педали. Мы поднимаемся в гору.

— Ты все знаешь? — говорю я. — А я ни хрена. Чуть-чуть... и все ни хрена. Ну теперь буду читать только нужною. К черту всякую технику!

— На смей, — тихо говорит Катерина и поворачивает ко мне лицо. — Если ты меня... уважайшь, не смей.

Лицо Катерины очень близко от моего лица, и мне трудно управлять велосипедом.

— Ты очень много знаешь, — говорит Катерина. — Это я ни... ни хрена не знаю.

Эх! Вы бы послушали, как она оставляет новые слова! Помереть можно было, до чего у нее это здорово получалось!

— Если бы ты, я бы радисткой не стала, — говорит она.

— Радисткой, — говорю я. — Это для детей.

Она внезапно отворачивается, опускает голову, будто я сказал что-то недопустимое.

— Все люди где-нибудь участвовали, — говорю я. — Видели настоящую жизнь. Одно отличие — как пентю.

Наконец гора окончилась, и начинается спуск. Велосипед набирает ход.

— Знаешь, как я тебе завидую, — говорит Катерина. — Эх, ты!

— Прости меня, я дурак.

Волосы Катерины отдувает ветром на гладком Измайловском шоссе. Деревья и лодки дад проносятся мимо, слышится мутная послосу.

— Я тебя люблю, — говорю я. — А ты?

— Шоссе летит на нас серой лентой.

— А ты!, — повторяю я.

Волосы Катерины отдувает ветром мне в лицо, и я плохо вижу.

Наверное, ее тревожит мое тяжелое дыхание, и она пытается соскочить с велосипеда. Но Катерина в конце моих рук, лежащих на руле. Рывк начинает выхлать, и объятие становится сильнее. Впереди я вижу наших ребят. Они стоят у дорог.

— А ты!, — настаиваю я. — Скорее...

Катерина дрожит и нацупывает носком туфельки переднюю вилку.

Дзинь! Вылетают четыре спицы. Я жму на тормоз. Велосипед останавливается на самом краю ковета. А я опускаю руки, и Катерина соскальзывает на землю. Мы стоим тяжело дыша и не глядим друг на друга.

— Погабывает ребята.

— С ума сошли! — кричит они. — Чуть не расбились!

Девочки окружают Катерину. Кто-то из ребят поклонился к колесу.

— Четыре спицы, — говорит парень. — Теперь не покатишь. У тебя что, тормоз откатываю?

— Да.

Постепенно усталости утихают, и мы все движемся по дорожке, ведя в руках велосипеды. Мы с Катериной идем последними. Некоторое время мы молчим. Потом я снова говорю:

— Ты мне ничего не сказала.

— Я скажу, Алеша...

— Когда?

— Приходи сегодня вечером к нам, — говорит Катерина.

Краус открыл дверь и увидел меня, нарядного и причесанного.

— А-а, — сказал он, — это ты...

Я протягиваю руку. Краус пожимает ее. Я напряжен, взволнован и поэтому не замечаю сдержанности Крауса. Я вхожу в комнату и оглядываюсь.

— А Катерина где?

— У себя, — говорит Краус. — Погоди...

Раздается звонок, и Краус идет открывать.

Оставшись один, я отворю дверь в соседнюю комнату и останавливаюсь на пороге. Катерина сидит на кровати, в туфлях на высоком каблуке, застегивает шелковый чулок. Она быстро поднимает голову, и мгновенно мы смотрим друг на друга. Потом она резко опускает платье, и я оступаю назад, прикрывая дверь.

Я слышу голоса и поднимаю голову. В комнату входят Краус и незнакомец с светловосым куржем лет тридцати. Он одет в эlegantный костюм. Через руку у него перенатан велосипед.

Встретив мой настроенный взгляд, он кланяется.

— Катерина готова? — спрашивает блондин.

— Переодеваться, — отвечает Краус.

Блондин смотрит на часы.

— Извините меня, — говорит он. — Я чертовски аккуратен. Это моя слабость.

У него крошечные усики и твердый рот. Он не только чертовски аккуратен, он чертовски красив. Я чувствую, как у меня от гнева начинают округляться глаза. Мы все трое молчим.

Входит Катерина. Я поворачиваюсь к ней. Но это не прежняя Катерина. Это красивая, нарядная, немалого бледная молодая женщина. Совсем чужая. Она проходит мимо меня, и блондин, улыбающийся, пожимает ее приветливо руку.

— Катерина... — говорю я.

— Все обворачиваются ко мне. На меня, видимо, тяжело смотреть.

— Разве ты не сказала ему, что уходишь? — сурово спрашивает Краус.

— Я не знала, — говорю я. — Я не знала, что он так.

— Она не знала, — подтверждает блондин.

Никто теперь не смотрит на меня.

— Катерина... — говорю я. — Разве ты забыла?

— Мы опаздываем, — мягко говорит блондин.

Я смотрю на его отвратительные усики.

— Вы не опоздаете,— говорю я.— Вы всюду успеете. Вы чертовски аккуратны.

— Ну-ну, малыш...— улыбается, говорит блондин, но глаза у него холодные.

Я делаю шаг вперед.

— Алеша!— громко говорит Катарина.

Я смотрю на нее. В глазах Катарины отчаяние.

И тогда я ухожу.

Я сбегая по лестнице, выскакиваю из парадного и, остановившись у ворот, затравленно оглядываюсь по сторонам. Сумеречный вечер в парадном. Черная «эмка» стоит у ворот. Бульварники локостой толкут вниз по переулку и саркачают за угол. Я стискиваю кулаки. Из ворот выходит Крус с Катариной и блондин. Красавец мужчина подходит к черной «эмке», отворяет дверь, и Катарина, не глядя на меня, садится в машину. Но мне подходит Крус.

— Того, о чем ты думаешь,— не бойсь,— говорит он.— Я тебя в обиду не дам. Ты мне вернись?

Я смотрю в землю.

— Красавец мужчина,— говорю я.— Кто этот тип?

— Случайный знакомый. Проездом на один день. Надо его сводить в театр. Будь молодцом, Алеша.

Крус пожимает мне локоть и идет к машине. А я направляюсь домой и слышу, как у меня за спиной, фирча, отъезжает в противоположную сторону машина, уезжающая Катарины.

«Случайный знакомый»,— сказал тогда Крус. Несмотря на эсэсовскую форму, я узнал его сразу, когда он вошел в мою хату с краю. А есть ли вообще такая хата?..

Раннее утро. Деревья стоят в росе. Школа еще пуста. Дверь в радиозул, где я вожусь с радиолой, открылась, и вошла Катарина.

— Здравствуй,— сказала она.— Не сердись на меня. Я не хотела, но я не могла иначе.

Она пришла ко мне в это раннее утро, свежая и веселая. Попросила завестись «Я люблю тебя, Вена». Закурившись по комнате. Мне больно смотреть на нее, так она хороша, и я отвожу глаза. Она останавливается.

— Я бы этого вась до смерти танцевала,— говорит она.— Самый мой любимый вальс... А твой?

— Конечно,— отвечаю я.

— Общий мне... если ты когда-нибудь будешь в Вене, прийти к папашкину Штраусу.

— Разве мы вместе придем?— спрашиваю я.— Когда произойдет мировая революция...

— Конечно,— быстро отвечает Катарина.— Знать что? Хочешь меня поцеловать?

Я не сразу понимаю услышанное и смотрю на нее почти испуганно.

— Ну!— говорит она.

Я поднимаюсь и медленно иду к ней непослушными ногами. Катарина закрывает глаза. Я обнимаю ее, и она отодвигает голову. И тогда мы целуемся долго-долго, пока не задыхаемся...

— Газდება удар колокола, и мы отрываемся друг от друга. Слезы катятся у нее из глаз. Мы стоим на платформе вокзала, и вагоны окутаны легким туманом. Паррон блестят, как зеркала. Катарина уезжает. Куда мне но сказать. Я мог бы даже не знать, что она уезжает. Но Катарина нестояла.

— Прощай,— говорит Катарина.— Последний звонок... Помни меня...

— Всегда...— говорю я.

Она возвращается и бьют к пояду, где ее ждет Крус в морском плаще и в берете. Она входит в вагон. Поезд тихо трогается. Стоящий подала авенский подходит ко мне. Обнимая меня за плечи, военный ведет меня к вокзалу по опустевшему перрону.

Это случилось весной, когда в школе был перемойский вечер. В тот вечер меня приняли в комсомол. В зале горит свет. Школьник стоит между радом. «Это есть наш последний и решительный бой,— поют школьники... С Интернационалом воспринят род людской...» Гимн заканчивается. Стулья расставляют по стенкам.

— Вальс! Вальс!— кричат веселые голоса.

Я мчусь в радиорубку.

В зал входит строгий человек. Это директор школы. К нему подходит мой учительница Албастра Григорьяна.

Директор смотрит на нее.

— Катарина погибла,— говорит он.

Рисунки О. ВУКОЛОВА

Они все хорошо знали Катарину. Директор был знаком с Краусом.
— Что? — спрашивает учительница.
Она мне потом рассказывала, что наступила удивительная тишина. Она мне потом все подробно рассказывала.
— В Исландии Краус писало письмо. Где Алеваш?
Учительница берет в руки за горло.
— В радиоузел пошел... пластинки ставить... глухо объясняет она.
— Сложите ему, — говорит директор.
— Нет! — говорит учительница — Нет!
— Проводите меня, — говорит директор.
Они медленно поднимаются по лестнице, как будто несут гроб. Звук зала становится все тише. И кажется, этим двоим никогда не одолеть последних ступеней. Они входят в полупустый коридор, и паркет скрипит у них под ногами. Они идут мимо учительской, и люба светит в застекленные двери.

Это было давным-давно, и вот как это было, товарищи. Скрип половики становится как гром. Они подходят к двери в конце коридора, на которой висит табличка «Радиоузел». Сколько ступей ступил вверху колесами, приволакивая для понимания. Иструменты лежат на газете. Директор открывает дверь и входит. Я оборачиваюсь и нему с пластинкой в руках.

— Здравствуй, — говорит он и тяжело садится на стул.
— Здравствуй, — отвечаю я.
Директор смотрит в пол.
Учительница молчит. Я взглядываю на нее, и у меня начинает дрожать пластинка в руках.
— Поздравляю, — говорит директор, — Ты теперь космополец.
Спасибо.
Директор не сводит глаз с пластинки, которая дрожит все сильнее.
— Алеваш, положи пластинку.
Как бы нехота я кладу пластинку на радиолу и ставлю адаптер.
— Здравствуй, — говорит директор.
— Я понимаю, — говорю я, глядя на вращающийся диск и повторяю: — Краус письмо прислал.

Учительница пятится назад и притворяется дверь. Она пятится назад, заведя веером ладью, и колесо начинает вращаться с лирическим треском. Она пятится назад, подальше от этой двери, за которой мальчику разбило сердце, и останавливается в коридоре. И тут за дверью начинается песня. Сначала она звучит тихонько, потом громче. «Я люблю тебя, Вена...» — запевает голос. И учительница не сразу понимает, что это пластинка «Горно, неизменная...». Кажется, голос звучит кокетливо. Но альс, который просили поставить кабинет, становится все громче. Гремят эти Венский вальс. Вот он уже гремит в рупорах в золотые трубы. Он звучит все громче, все яростней. Он звучит, как сопротивление смерти. В уши бьет тишина. Это заволакивает дверь.

А синус, из дальнего зала, этому доносится музыка Венского вальса...
— Пути открывают цепели от потолка, и они падают мне на лицо. Потом три пистолетных выстрела слышатся. Слышатся и автоматная стрельба. Я открываю глаза. Экзоскелет слышит с тлеющим карминово, лежит на полу. Однако красавец мужичина жид и даже, по-моему, не ранен. Он достает из кармана френча последний патрон и аккуратно вводит его прямо в ствол моего «ТТ». Он снимает фуражку и приглаживает волосы. Он всегда был чертовски аккуратен. Во дворе немцы кричат, чтобы он сдавался. Он оборачивается ко мне.
— Прощай, малыш, — говорит он. — Молодец, что плюнул... Певелики мы на них!

Он закладывает ствол пистолета себе в рот, и я закрываю глаза, чтобы не видеть, как выстрел разнесет ему затылок. Я слышу, как с топотом вбегают немцы, как они что-то мягко волокут под козы, как на дворе начинается возня, брань и крики. И тут чудовищный грохот сотрясает воздух, и стена избы отворачивается в сторону, как дверца шкафа, и становится виден берег, где над мостом растет черная туя зарема. Я понял их тактику уже не продаду, и сейчас начнется наше наступление.

Да, он всегда был чертовски аккуратен!
— Я очулся потому, что женское лицо склонилось надо мной и мильный голос сказал по-русски: «Тоска, примите ванночку...». Нежные руки поднимали меня с пола, им помогали другие руки. Меня укладывали на носильник и выносили из кабы. Я вижу колонны солдат, которые движутся по шоссе в белых полуботках, окутанные паром. Танки скрещуют на повороте. Когда меня проносят по двору, я вижу военных и шатских, которые стоят без шапок, опустив головы, около человека в Экзоскелетной форме, лежащего на земле с лицом, закрытым фуражкой. Рядом солдаты заминают ритм молоту. Один из полковников, наклонившись, отбрасывает в сторону экзоскелетную фуражку и накрывает его лицо своей фуражкой со звездой. Последний раз я вижу белого, как мел, лицо этого человека и уснул, темные от прова.

Есть такая молодая женщина, ее зовут Кате.
Мы с ней кончаем читать на стеноде сегодняшнюю «Правду» и идем по улице, взявшись за руки. Некоторые ходят под руку. Это урунда. Или она ведет его под руку и тогда у меня вид голый, или она идет, или он ведет ее, и тогда у нее вид какой-то нескрипящий. Ходить надо держась за руки. Это проверено. Мы идем по улице, и на газетных листах этой забастовки в Каталании, демонстрации в Астурии. У ребят моего поколения от слова «Исландия» до сих пор подбородки трясусь. Первая погубила любовь не забываться.

Мы идем с Катей, и она говорит:
— Астурия...
Она говорит: — Каталания...
Я говорю:
— Ты понимаешь, что означают эти слова?
— Да, — отвечает она. — Понимаю.
Ведь я ей рассказывал все. И я верю Кате. Надо верить.

ДЫХАНИЕ

Я берегу дыхание для сна.
Внезапных,
как причудливых набросков.
Я берегу дыхание для сна,
Чтоб голос вызвал где-то
Я берегу дыхание для дел,
Чтоб сердце не замолкло,

Я берегу его —
Я подглядею!
Дыхание руководит стихам.
Как дышит мир!
Исходный из глубин,
Из потаенных недр
Вдв бездонен.
Мир полон воздуха глотками турбин
И белых распыленными звонами
А брызги домов!
А сонные пруды!
А надный ветры метрополитена!
А прекрасный хобот заводской трубы,

Темнейший от гарн постепенно!
Как дышит мир!
Стенные губы,
И с лавон на стелбах застывший
Лды подзревает,
Материин,
И потом обваливающийся

и кажется:
В едином ритме, —
Вдох
За выдохом — нутро свое
Там сия неизменная земляная
Дышит жизнь ход
И ход стихов.
...Давно не трачуся,
Чтобы дружится,
А вкладываю все в удар явру.
Я стал скучным.
Так беругу богатство,
Как с свое дыханье берегу!

Что я знал!
Перроны пригородные —
Восьмь месяцев в году.
Через часто сумки прыгаю,
Я садился на ходу.
И как тысяч, как тысяч,
Спешил и своей звезде:
«Сверлины — Пось — Мытищи —
Далее — везде...»
Все привычно:
Чей-то хабробо
В двери выстукнут нос,
Духота в забытых тамбурах
От дешевых папироз,
Изобилие мороженого
С газированной водоню —
Все, что кажному положено
Вместе с биологием ездон,
Что я знал! Перроны дачные.
А с соседнего пути
Поезда следования дальнего
Собирается отойти.
Он пылет перед порою,
Чаявал штокман поршней,
Вудто хвастался порядком,
Чистой своей кровей.
Дымом он меня одоровал,
Щедер паром обдавал.
Ветер следования дальнего
Мои ноздри раздувал.

Листья рыльце,
Сосны рыльце,
Солнце рыльце —
Насроста!
Рыльце ветер
Считает крыши,
Как считает стмыи состав.
Насроста
Порывающий ветер,
Обгирался
Собраны плавью,
Все,
... что летом бережно
Накнито...
Все пожаром должно гореть.
Это ослень,
Чертова рыльца,
Порывающая дачи,
Спешит.
Все, что живо еще,
Все, что выжило,
В сияньелье беды
Дружит.
Рюи Белые
Поднимаю,
Как шаманы, колютду туманы,
Над болотом ведут хоромы...
Пахнет осенью.
Пахнет гильбю.
Сносет лес
И рыльце гризаво,
Точно конь, управляет,
Трясет.

ТВОЙ ДОМ

Вот комната с дощатым потолком,
Порчииваем от времени и дыма
С оном в сентябрь.
Самой вонит тайком
Теле порою так необходимо!
Меж окон мот
(Его давно уж нет),
Сарниунг стои в саду
(А он раскисал),
Лаз потаенный
(Известен всем север),
Колодец

[Малко этого колодец!]
И до сих пор шумит огонь в печи,
Когда тлеет в доме от невастья
(Ослыпав с годами кирпичи).
И домовой транит от злой
напасты...
Стоит ли,
Нет его — но этот дом
Остается все тем же неизменно.
Он просто не способен на измену.
Он твой всегда,
Кто б ни селлся в нем.

и поставил всего три фильма. Но сегодня он один из видных молодых режиссеров в нашей киноиндустрии. Так хотелось мне начать очерк о Георгии Даниила.

Хотелось... Но потом я вспомнил: Григорий Чухрай поставил только три фильма. Но сегодня он один из видных режиссеров в мировом кино.

Там что, помянул, дело не в магической цифре «три». Дело в стремительной динамике движения таланта. Чухрай и Даниеля — это не просто разные режиссеры, разные индивидуальности, умеющие другое поколение. Георгий Даниеля — это другое поколение советской киноиндустрии, пришедшее на смену Чухраю, Нурдимураеву и Сегалу, Алаву и Науумову, Ростокскому и Швейцеру. Те в середине пятидесятых годов подымали цели современной теме в нашем кинематографе, ищут ему бурную весну обновления после зимы ментального холода времен культа личности. Они и наши мастера старшего поколения, как Леонид, расщипали путь там, что шел за ними.

А сегодня друг и соавтор Даниила по «Срежнему» Игорь Таланкин — режиссер первого советско-американского фильма «Встреча на дамском маришансе».

А сегодня я звоню Георгию Николаевичу, и мне отвечают: — Улетел в Киргизию. Он художественный руководитель фильма. Помогает одному молодому режиссеру.

А я вспоминаю — даню ли это было... я вспоминаю — а семья фильма «Сергея». По полу фильмологического павильона, среди небелых и фиолетовых, показав двое начинающих с режиссерскими курсов — Таланкин и Даниеля. Ползали за своей пятнадцатой «заказкой» Борей Баргазовым. И каждая, самая элементарная реплика оглашалась таким «киноматериалом» ползанием, что становилось просто страшно за фильм в целом.

И никто еще не знал тогда толком ни этих «начинающих» — удивлялись только, что влезли они за такой странной и, казалось бы, небогадарной для кинематографа материей, как эта вещь в себе — повесть Веры Пановой об очень маленьком мальчике по имени Сергей. Сами же никто не знал тогда, выйдет ли «нибуду» из этого или нет. И даже тогда, когда фильм «Сергея» был принят очень гордо и критично и публикой, вряд ли кто-нибудь мог думать, что «несколько» историй из жизни одного «маленького мальчика» увезут Хрустальный глобус с международного фестиваля в Карловых Варах. Сразу начинающиеся стали знаменитым. Между Георгия Даниила и Игоря Таланкина прочно вошла в киноиндустрию «Сережа».

А вот теперь я спрашиваю Даниила, что заставило его и Таланкина выбрать для своего дебюта именно «Сергея». Казалось бы, это не очень характерно для наших молодых режиссе-

ров с их острым стремлением к острым проблемам современности. Ведь история становления характера мироощущения мальчика Сергея при всей ее тонкости и увлекательности далека на первый взгляд от этих проблем.

Так в чем же дело? Я дерну наготове автозвучку.

Их разговорчик, слышем прямо, не находка для журналиста. Он неразговорчив и неэпизичен. Он — Случайно. Мы хотели поставить «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова, м., каверно, вам, журналист, это показалось бы более типичным для режиссеров нашего поколения. Но тогда экранцами мы работали над режиссерскими сценарием. Таланкин вдруг спросил меня: «Слушай, а ты читал «Сергея» Пановой? Я не читал. Таланкин дал мне тоненькую книжечку. Мы сразу позвоили в Ленинград Пановой. Она тогда с кино еще никаких дел не имела. Но сразу и охотно согласилась. Мы поехали к ней. Но фильм по ее произведению будут ставить но-вички, дебютанты?

— Очень хорошо отнеслась. Позже, когда ей еще что-то, настало, кажется, на «Ленфильме», предлоили экранизировать «Сергею», она сказала: «Нет, вы знаете, я уже обещала двум молодым людям из Москвы». Фамилий наших она не помнила.

Там же, в Карловых Варах, отсюда «Сергею» увез Хрустальный глобус. Была показана картина тоже молодого французского режиссера Дроша «В воскресенье не хоронят». Рассказана в ней трагическая и безнадёжная история о том, как в большом городе востригались двое из друг друга негр-студент и девушка из Швеции. Но любовь, казалось бы, объединившая двоих в этом гулко-бетонном мире, оказалась призраком, обманом. Фильм был сплошным ярким отчаянием.

Тогда же, после карловарского и ряда других фестивалей, где одну за другой обносились победы и определяли молодое советское кино, на Западе во весь голос заговорили о советской «новой волне» (по образцу подобно модного в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов течения во французском кино). Советские критики очень хотелось представить дело так, что новое поколение советского кинематографа «просто» от его «старичков» и что бурное обновление нашего кино есть только модной повтресе с Западом, не имеющее корней в нашей действительности.

Но новое поколение советских кинематографистов — это поколение XX съезда партии. И никакого не было и нет в нашем кино борьбы поколений — есть закономерная смена поколений. Искалотов и Урушевский. Игорь и Габрилович и другие «бывшие и бывшие буржуазные сыны» индустрии 30-х годов. Это они вместе с молодыми после moments и батальной войны сформировали жанр прозы советских людей, ввели нас в квартиры, дома и переулочки, где они живут. Но как правильно

сказал о резко противостоящих друг другу тенденциях «отчуждения этого «чуждого человека» у нас и в современном западном кино Е. Габрилович: «Он говорит: «Мне» надо буднично, не-примечательно, и нам остается только регистрировать эту непримечательность». Мы же говорим: «Да, жизнь — это буднично, но сколько интересного и важного заключено в их непримечательности!» Фильм «В воскресенье не хоронят» и фильм «Сергея» — оба о жизни будничной, непримечательной. Но сколько интересного в этой непримечательности видит авторы «Сергея»!

Нигде не сглаживают они острых углов в этом повествовании о вступлении в жизнь. Они не боятся столкнуться пятнадцатого Сергею с пятнадцатилетним пошляком, который, хохоча, сует ему тщательно завернутую пустую «конфетку», и не боятся пылкого Сарениного: «Дядя, вы дурачок! Вы не боятся одинокой мальчишеской фигурки в длинной ночной рубашке, с змунтавшим большим горлом, стоящей посреди опустевшей комнаты: «Нордстелера, родной, миллионы! Возьми меня в Колымогоры! Они не боятся осуждения матери Сергея — Марьяны, которая вводит заботу о нем только в чисто физическом отяго, которая в сплочный мир новых дел него ошестивший, действий, мыслей.

Но тем значительнее в фильме Игорь Коростелера. И когда бредет они по лесу с Сергеем, двое мужчин в одинаковых шалках-ушанках, одинаково широко и раздумчиво шагая, лес этот, набухший холодной влагой, светел (заста и не легка ситуация: Коростелера с Марьяной действительно нужно ехать в Колымогоры, а ехать без Сергея, потому что он хрупкий, болезненный мальчишка и не выдержит северного климата). И весь фильм светел. Светел и добр, как взгляд Коростелера. Светлы слезы Сергея, падающие на листья как капли летнего дождя. Светлы маршруты веселого детского веселья. Светла дорога, по которой они все-таки уехали в Колымогоры... хоть и неслая ему, хоть он и болеленный, хоть и трудно с ним буднично.

Фильмом «Сергея» нахался для бывшего архитектора Георгия Даниила путь в большой киноиндустрии.

После первой и единственной совместной картины пара Даниила и Таланкина распался на режиссерского Георгия Даниила и режиссерского Игоря Таланкина.

Самое интересное в фильме Даниила «Путь к приключению» многие называют «странным фильмом». Пожалуй, он понаместе еще более странным, если спросить его, что такое, который Даниила сделал сразу после него, — с картонной «И шаг по Москве».

Но есть нечто, что заставляет думать, что оба эти фильма сделаны одним человеком.

Сам Даниила так говорит об этих фильмах:

ОПЕРАЦИЯ ДМИТРИЙ

Валерия ГОРДЕЕВА

Фото А. ЛЕХМУСА

сем ясно задание? — Березудный глянул на него и поворочился: грязные, кудлатые туши повисли над головами. За ними что-то урчало и грохотало, словно там, навверху, был в разгаре моторкросс. Николай сердито поправил очки — вот уж совсем нестатки.

Еще раз, коротко. Необходимо найти мотулу Александра Безуглова. От нее, в радиусе двадцати пяти метров — небольшой тамтеник, мотушок. Под ним должен быть чемодан. Там документы и вещи... Потом будем искать ценности. В письме указаны и эти координаты...

Что знает, что поворачивает в темной, заскорузлой душе преступника! Во всяком случае, что-то точношло человека сообщить о давнем своем преступлении.

Сотрудники угрозыска долго изучали пришедшее с Колымы письмо. Надо искать... А если это липа? Все равно надо искать... Но как! Кладенце огромное — несколько гектаров. Что бы осмотреть каждый памятник, нужно оторвать от работы буквально всех сотрудников... А что, если попросить комсомольцев из оперативного отряда?

...Со стороны это могло показаться странным: ходят по илдобушу парни и девушки, плавающие намерзшему пописишемуся кресту, каждой рыбой роющего. Шурсы, рассматривают едва заметные бугорки... Лишь шуршание травки под ногами да уханье там, в вышине...

И вдруг:
— Э-э-э! Сюда! Нашел! Не обманул тот, с Колымы. Вот и памятник мотушом. Штатские. Особых усматки не требуется. В одну сторону, в другую... Теперь немного приподнять...

Чемодан небольшой. С таким ходят на лекции, в таких носят тренировочные костюмы. Оказывается, его можно использовать и для другого...

А дождь так и не начался.

...Операция была под шифром «Филателист». Но комсомольские интересы не просты коллекционеры марок...

И штабу отряда подкатил грузовик. Минута — и он полон. Пять минут — и уже первая группа спрыгивает, чтобы «запереть» выход на скверике. Еще минута — и посетителей зеленого озера становится заметно больше. Новички присаживаются на скамьи, заводят разговор, заинтересованно слушают...

— Дядя! Гатемальские марки ест! Несладкий мальчишка переминается с ноги на ногу. В нулик — заветная букашка. Сильно раз он не затравил в школе, сколько не был в кино, чтобы прийти сюда! — Дяде позорительно косится на побелевший худой кулак...

— А капитал у тебя какой? Сколь-

Не очень-то приятно узнавать о «похождениях» сына...

← На задание

→ Ему явно не по себе. Он не думал, что все станет известно на работе...

Чемодан небольшой. С таким ходят на лекции, в таких носят тренировочные костюмы. Оказывается, его можно использовать и для другого...

— Родителей назвать? И маму и папу?

но! Да с такой сумой ты здесь и не походишь... Ишь чего затеял! — дерзительно обращается он к сидищей рядом девушке. — Работе марок ему, видите ли, нужны... А вы знаете, милый, сколько стоит такая марка? Шестьдесят — восемьдесят рублей. А он с птерной авиалет!

— Но парнишка, очевидно, коллекционирует! Да и где ему взять денег? Не воровать же...

— А это уж на мое дело... Я замету на заставлю зарплатить, тут дерзайте. Есть «валюта» — берн. Нет — смотри, кто-кто... Ах, достанешь денюжку, когда поместешь вот такой альбомчик...

— Да, марки хороши. А теперь посмотрите сюда.

— Что это за пропуски? Сейчас они достанут. Их-и... Не омидай, не омидай! Зачем же так подводить!

«Девушка» захлопывает альбом и резко трясет к выходу. Девушка — за ним.

— Не спеши, Танюша! — подмигивает ей высокая худощавый парень. — Поверги колючку. Все переключи... И в штабе Йона никак не могу успоняться!

— Разве я знал, что нельзя! Три месяца Марин, а у меня нет...
— А вот Саид не лаяла. Плотно сжаг губы, он смотрел исполбля на кучу отобранных у него марк с обманками красками, и мелкими гуляни у него по ценам.

— Значит, ничего особенного? — Юра Веретинников старался говорить споконно. — Ладно. Раз сам ничего не понял, поведемся с родителями. Со-

— В киоске нет таких марок, вот мы и пошла...

бираешь! Понаем отцу с матерью, чем их десятиклассничек увлекает...

— Это для ребят из оперативного отряда обычная вещь — похвать домой и промывнищемуся, в школу, на работу. Не поможет первал «медпомощь» — брутсы за человека основательнее, так, что тому ни минуты покоя нет.

Не сразу они поняли, что именно то увлекало патрулирование, то контролировало милицию. Даже работники Кировского района, при котором организовался отряд, не очень-то представляли, как вести дело. Лишь потом, позже ребята нашли свое — не карательную, а профилактическую работу. И главным образом с молодежью.

— Полтора года назад он лия, хулиганил, воровал, обманывал его привели в штаб. На столе в свете лампы безобидно поблескивала отбитый у него игрушечный листочек. А в темной подворотне пистолет казался настоящим.

Родители, узнав от членов отряда о похондомном сыне, не стали ни приходить, ни жаловаться за работу. Они просто были теперь, повысившие внимательны к каждому его шагу.

На работе тоже не отсутствовали: к парню прикрепили двух человек — карьерного рабочего и комсомольца. Те сидели, как он осваивает слесарное дело, давали ему интересные поручения. И в отряде о нем не забывали: нет-нет да и заглянут вечером домой. Нет-нет да и вызовут и себе.

Сейчас он активный член отряда, хорошо работает, учится в вечерней школе. Зовут его Юра Симонюк.

...Дверь скрипнула, и в штаб вошли двое: невеселый черноволосый парень и пухляк, вызывающе одетый.

— А-э, Вера Павловна! Давно ли не ли...
— Вера Павловна поднялся им навстречу Юра Владимирович. — Где ты ее пострелач, Анатолий? Я же так тебе говорил! И разграниченная наиза! Истата, это все уже не мезать...

— Ну да! Недавно шила...
— И ты...
— Владимир, берите лист бумаги и быстро рисует силуэт... Теперь танке Лиде...

Девушка внимательно следит за карандашными движениями отряда. — А вы откуда знаете? — недоверливо спрашивает она.

— Ну да! Не смеется. — Журналист смотрит, читает... — Владимир, вот так вот! Быть так задиристым такой уж это веселый человек. А надо! — Слово еще бубнел толстая проселенка. Девушка что-то не поняла! Ах, ничего такого не делала! Сидеть бы хватал! Ну вот, если сама себе занятия не нашла, мы поможем. Симонюк на него воскомую куртку: прибрать здесь надо. А потом поговорим.

...То и дело хлопает дверь. Патрули приносят перебранки: один вылавлив, горлалин пещи, другие, выясняя отношения, перешли на крик. Вызвал приставки и детушкины. Влезу спок-по-разному; кто возмущается: лужи и погатыть... кто выводит: «Родителей называть! И маму и папу!»; кто искренне удивляется: «Что и еще кобаче-небуду!».

Разные люди, разные судьбы, разные планы — от «Цыганки» до «Слава, валичка». Знакомые и незнакомые мамы собор, тут, от отряда. — Конечно, они все вместе. Так что сразу можно узнать, кто, когда и за что последний раз задерживался.

Воспользовавшись минутой затишья, Станислав Соколов командиром одной из групп, подсаживается к высокому скулящему юноше, ошарашенному его, и наслаивает отидычаев на спину друга. Из-под стелой на парня — стреляет угломяненье глаза.

— Так что, Фард, и нам зашел?

Парень споконно кивает.

— Приключился ищешь?

— Нет... Просто здесь интересно...

— И трудно...

— Я знаю...

— Ты комсомолец? Не успеет! Тогда разговор отидается...

Скулящее лицо парня бледнеет.

— Да ты не раскисай. Вступил же — поубавляй. Как это ты знаешь? Одно из основных наших условий...

Парень уходит. Станислав совместно смотрит ему вслед. Ничего не попишется: устал! Он один для всех...

...для него, инженера-конструктора Соколова, и для терниста Саши Мирошниченко, и для рабочего Юры Симонюка.

В отряд принимаются только комсомольцы, естественно, комсомуны, и не моложе восемнадцати лет.

Сначала кандидатуру обсуждают на совете, который состоит из командиров отрядов разных предприятий. Члену задают десять вопросов, начиная от международной политики и кончая абстрактными философскими отрядами нунны зрнуты: мало ли какие люботытны «книжки»...

Потом — трехчасовый испытательный срок: проверка в деле. Зада-ние обсуждение кандидатуры на штабе. И если уж семь членов штаба положительного решеия, вопрос, безусловно, о разрешенного знаменит, принимаю в отряд.

Кировский комсомольский оперативный сейчас лучший в городе. Заряженные хулиганские остороичаюют «Пошли в другой район».

Подаются или небытвые, или очень уж наглые...

— Устал, Стас?

— А тебе все нужно, секретарь район?

В данный момент я комиссар отряда. Поэтому мне полонна за задание наиза у тебя температура... За-снул, Соколов?

— Невак. Балаган. Да поминишь операцию на кладбище? Помогла угрозыску наши...

— Ну и отлично.

— Слушай, комиссар! Надо бы нам собраться, что ли, пошуметь, попеть, отдохнуть от всего этого...

— Слава Балаган беззастенчиво машет рукой:

— Одня болтовня — «отдохнуть»... Завтра опять приминишь сода. А вообще-то в ближайше воскресенье действительно надо махнуть куда-нибудь на природу...

— Обидно слышу из аргатового становится светло-сиреневым. Начинается еще одно тихое свердловское утро.

Еще и еще раз уточняют они маршрут...

МАСШТАБ

у, повали!

Теперь после полета Гагарина, эта фраза стала крылатой. Двадцать лет назад ее очень буднично произнес начальник летной части Даниил Степанович Зосим. Он и его заместитель Алексей Николаевич Гринчик и есть «консилум», которому поручено проверить, «способен ли тов. Анохин С. Н. после операции (удаление левого глаза) пилотировать самолет».

Мы в кабине обычного «ЛИ-2». Задание, поставленное передо мной, самое простое: взлет, полет по кругу, посадка.

И Зосим и Гринчик, как ни пытаются скрыть свои чувства, но, я вижу, страшно волнуются. И потому, что они мои друзья, сидок ждать нечего: дело слишком серьезное.

— Ну, поехали.

Объяснить, почему я совершенно спокоен, наверное, невозможно. Может, все дело в уверенности. Но состояние такое, будто ни на день не оставляя работы, будто на было ни катастрофы, ни операции.

Машина начинает разбег. Ее «шаг» все быстрее и шире. Чуть качнулись крылья — мы в воздухе. Плавно набираю высоту. По всем правилам пилотажной «науки» делаю развороты. Первый. Второй. Третий. Четвертый. Захожу на посадку. Вот самый ответственный момент: надо «поймать» землю. Нацеливался на «т». Не испытываю никаких трудностей. Мягко сажаю самолет у самого знака. Не столько слышу, сколько чувствую, как облетенное вздымает «консилум». Оборачиваюсь. У «консилумов» явно посетовали лица: теперь и они варят, что летать я могу.

— Еще взлет и такая же посадка, — говорит Зосим.

Я повторяю упражнение. Я готов взлетать и садиться целый день, целую ночь и потом еще и еще. Я могу летать! Я останусь в строю штурмующих небо!

Пишу сейчас об этом, и невольно возникает ассоциация. Однажды, приехав в гости к другу, я встретил на лестнице Владимира Сергеевича Ильюшина. Это было через несколько месяцев после того, как в автомашине Ильюшина взрвался автомобиль, за рулем которого находился пивный хулиган. В исключительно тяжелом состоянии Володя привезли в Больницу. Кости ноги были раздроблены так, что напоминали мексиканские «крюжки». Многомесячный гипс. Потом костыли. Дилемма: или опираться на ногу — плохо: сорвешься, косточки могут разойтись, или не давать нагрузку — необратимый процесс атрофии мышц. Правда, с такими мышцами можно жить, но нельзя летать.

«Думайте, — сказали Володе врачи. — Картина вам ясна самому, а гарантировать ничего не можем».

Вот уже некоторое время я сижу и принимаю и через каждые две минуты пишу стуж на лестнице. «Что ходит Ильюшин», объясняют мне. — Вверх-вниз, вверх-вниз... «Разрабатывает» ногу. И так ежедневно мазос по пятку.

Выхожу на площадку. Вверх поднимается Володя. «Уж-тук», — стучат костыли. Пот струится по лицу. Лицо раскраснелось. Дыхлет тяжело.

— Огорчили, — говорю я.

— Через полчаса — отвечаю. И вновь по лестнице стучат костыли.

Прошел еще год. Весь мир услышал о Владимире Ильюшине. Герой Советского Союза установил новый мировой авиационный рекорд... Мне еще раз хочется вернуться к практике испытания планеров. В части, где я служил во время войны, порой приходилось проверять аэродинамические качества летательных аппаратов.

Однажды меня позвонили из «материальной полета летчика-испытателя Адама Добхова. При скользянии на правое крыло транспортный планер неожиданно перевернуло на левую плоскость. Нанесся шотпор».

Это было для нас подобно взорвавшейся бомбе, потому что планер успешно использовался в авиационных частях и ни о каком шотпоре никто

никогда не слышал. Значит, полет Добхова требовал самой тщательной проверки. Ведь на транспортной машине перевозили людей.

Испытания было поручено провести мне. Ведущим инженером назначили инженер-майора Аудева, отличного знатока своего дела.

Первые полеты. Результаты абсолютно такие же, как и результаты полета Добхова: при скользянии на правое крыло машину перебарывает ветер, и она входит в шотпор.

Что же происходит, если ветер замешается, а планер успеет сделать несколько витков в шотпоре? Будет ли после этого он слушаться рулей?

Следующий этап испытаний должен был дать ответы на эти вопросы.

Если испытания самолетов приятнее всего проводить утром, на планерах летать лучше всего во второй половине дня, когда от нагретой солнцем земли поднимаются потоки воздуха. Именно на вторую половину дня и были назначены испытания на шотпор.

Уже с утра все было готово к полету, и Аудев с механиками ушли обедать. Мне не хочется идти по жаре добрый километр, у меня с собой есть бутерброды; я остаюсь у планера. Планер стоит в тени. Забираюсь в пассажирскую кабину, где уложены мешки с песком — балласт, укладываемый на эти мешки и засыпаю.

Во мне слышу стук. Открываю глаза с усердием, достойным лучшего применения, молодой солдат приключивает гоночными фонаря аварийного покидания планера. Приключивает прямо к кабине.

Вскрываю, как ужаленный.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— А как же! — улыбается солдат. — Мы по старлному делу специалисты. Вы не бойтесь: все как надо будет. Гаозды длинные, тонкие — дерево не покосит, а держаться эта штука будет как следует. Ни щелочки не оставлю. А то, говорят, вас продувет в полете может.

— Ты знаешь, для чего это фонарь?

— Не... Я только вчера на аэродром прибыл. Мы технику еще не изучали.

Объясняю парню, что фонарь необходим на случай, если с планером произойдет авария и мне надо будет выпрыгнуть с парашютом.

Солдат бледнеет.

— Так что же это, я вам вроде гроб заколачиваю?

Дрожащими руками он принимает вытаскивать гоноды.

Парень-то оказывается вовсе не таким дураком, каков я его представлял, когда увидел, чем он занимается. Все-таки отнюдь его от машины. Проверю, не осталось ли гоноды, легко ли сбрасывается фонарь».

И вот полет. Отцепляется от буксировщика. Сейчас начну скользяние на правое крыло. Машина кренится и переваливается на левую плоскость. Начинается шотпор. Планер вращается вокруг продольной оси. Все нормально. Потом совершенно неожиданно он задирет нос выше горизонта. Это уже худо. Это плоский шотпор. Страшнейший вред летательных аппаратов. Ремень, из которого машина далеко не всегда способна выйти.

Пытаюсь вывести планер из шотпора. Не тут-то было. Машина вращается все быстрее и быстрее.

Помните, в фильме «Летят журавли» герой падает, а перед его глазами кружится, кружится барельеф? Перед моими глазами вот так же кружилась машина из опасного режима. Безразультатно. А земля, всегда милая и добрая, теперь представляется жесткой и несущей смерть. Она уже совсем близко. Настолько близко, что у стоящего на опухше лесу дуба различаю верхушку обожженного молнией.

Дальше идет времени на доли секунды. Промеждение смертельно. Сбрасываю фонарь, два часа назад приключиваемый усердным солдатом к кабине, покидаю ее и тотчас дергаю за кольцо парашюта. Проходит мгновение. Удар. Очень сильный удар. Я на краю капустиного поля.

Где-то неподалеку должны покониться обломки моего планера. Иду разыскивать их. Прохожу лесок. С опухши вижу обломки конструкции.

Ярдом пожарной и санитарной машины. И люди. Они аккуратно разбирают обломки. Что-то ищут.

Мне навстречу прохаживает Авдеев.

— А мы здесь тебѣ? — Он показывает на груду дерева, оставшуюся от планера. — Когда же ты успел раскритиковать парашют? Хотя, собственно говоря, теперь это совершенно неинтересно. Я стою и курю одно пилорусо за другой. Перед глазами солдат, заколачивающий доску журналу а заведя разговор о мушкетерах. Жестко.

С твоем прозе специальной подготовки как самолетом, вертолетом и планером на допуская ни один человек.

Какова дальнейшая судьба этих планеров? Еще несколько раз я что-то говорил на них по поводу их очень высокой скорости. Разные самолеты разные, машина слушается рулей даже в плоском шопоре. Только с некоторым опозданием. Дефект оказался не конструктивным, а производственным. Некоторые детали планера делали на заводе из более тяжелого, чем рассчитали конструкторы, материала.

В предыдущий вечер ждали я заведя разговор о мушкетерах. Жестко же просто-напросто об авиурности.

Вы, наверное, слышали о маленьком самолете, который его создатель Олег Константинович Антонов назвал «Гнепхан!» Так он назвал самолет потому, что задумал его как машину-туристку. Не для межконтинентальных трасс, не для общесюзовных, даже не для межобластных. «Гнепхан» — для межрайонных рейсов. Но, скажем, полет из колхоза в районный центр. Или из одного райцентра в другой. Главная «изюминка» самолета состояла в том, что «Гнепхан» совсем не нужен аэродромы. Есть малые аэродромы — вот и точка прилета.

Самолеты такого типа получили в авиации наименование аппаратов короткого взлета.

Летчик-испытатель Владимир Антонович Калинин вел «Гнепхан» в Кондопохе, собираясь вылететь на озеро. Раноже самолеты сюда не прилетают: аэродром нет, да и построить его негде. Кругом озеро, леса, и каждая поляна усеяна огромными валунами.

Калинин подошел к городу и увидел на его окраине просторную площадку. Резкое снижение — машина идет на бросокем пролете. Потом самолет уходит на разворот и опять проносится над поляной. И так три раза, пять, семь. На восьмом круге, когда все подумали, что сейчас летчик посадит машину прямо среди валунов, «Гнепхан» вновь ушла вверх. Ушла, когда уже почти совсем была на земле, когда уже почти касалась поляны своими колесами.

В кабине самолета — пассажиры. На десятом круге, умятый до предела мимикризм пассажира, один из них замолчал: «Может, не надо садиться? Давайте пойдём в Петрозаводск!» Другой недоумоно пожимал плечами: «Здесь посадкой легче уже посадил бы самолет летчик раз».

А Калинин опять вел «Гнепхан» в своей области. Сбрасывал обороты. Ощупывал машину зрением и в метре от земли... давал газ. На двенадцатом круге он посадил машину. Она коснулась земли в двух метрах перед рва и остановилась в четырех метрах от нераскопанной авиации. Шаги летчика и пассажиров не нее, проходила линия электропередачи, а по другую сторону был залив.

Летчик вышел, взял рулетку и начал измерять все расстояние: оно нужно было инженером для дальнейшего совершенствования конструкции. Потом в кабине самолета за это время посадить «Гнепхан» Конечно, но. Но он поступил как истинный испытатель. Ибо нашей профессией «съем раз отмерь, один — отрежь» — закон заповедь.

Кстати, спустя полгода после посадки в Кондопохе «Гнепхану» симули в кино.

По сценарию она должна была произнести посадку на болоте. Там, на болоте, и установили киноаппарат. Калинин привел машину к заданной точке и стал выводить место для приземления. Он занимался этим делом серьезно и обстоятельно. Но когда посадил машину, кинематографисты были недовольны: самолет долго выбрал место, в аппарате кончилась пленка. Калинин рассердился (и вы же не мастерская!) и на следующий день постарался избавиться от кинематографов. «Гнепхану» на съемки повел другой типол. Он не хотел повторять ошибок старшего товарища и потому, подойдя к болоту, лихо повел самолет на посадку. Кинематографисты не успели. Самолет вывелся в поле, перевернулся вверх, и, следовательно, пилот отделился ушибами, а самолет получил лишь незначительную поломку.

В 1949 году мне предстояло провести испытания на флаттере. Этот режим — явление, связанное с скоростью: страшная тряска, создающаяся неправильными колебаниями конструкции, в течение нескольких секунд способна разрушить машину.

Программа испытания состояла в гонке «пощадища». На заданной высоте в долину был доводить машину до определенной скорости и удерживать ее в таком режиме полета какое-то время.

Машина перед этими испытаниями «валяла дурака». Ее улучшили. Теперь надо было проверить, насколько эффективны эти улучшения. И вот я выкатываю на бетонную полосу, прошу старт.

Набираю высоту, коню первую «пощадищу». Машина ведет себя прекрасно. Увеличиваю скорость. Еще. Выдерживаю самолет в режиме, потом добавляю обороты. Слово горячая чгла в масле, идет самолет на огромной высоте. Тряска нет. Можно дать полный газ. Скорость достигает предела.

Тряска нет. Машина ведет себя хорошо, — сообщают экипажу.

Теперь ту же программу выполняю на меньшей высоте. Там больше плотность воздуха и меняются многие характеристики. Жду, молния, вздремнет машина! Нет. Тряска по-прежнему отсутствует. Но ведь должна же она в конце концов появиться! Конечно, появиться, если ее вообще не вызвать. Только теперь в твоем же поле зрения передо мной машина, сразу же вспрыскивается. Обычно оно требует длительной и тщательной доводки.

Отляг предельная скорость. Гроно «пощадищу» в напряженном ожидании вот легкое вздрагивание крыльев. Еще одно... Наконец на указателе скорости. Это момент неизбежный. Это происходит. Машина ведет себя как всегда, какова скорость при возникновении флаттера. В том, что он не наступает, сомнений нет. Уже дрожит весь самолет. Уже как в лихорадке плещут

крылья. Сколько времени прошло с момента наступления крайнего режима? Секунды! Амплитуда вибраций нарастает. Сколько секунд осталось до разрушения? Не успевает уйти от опасной скорости! Надо немедленно потерять высоту. Рукой на себя. Скорость с набором высоты должна погаснуть. Но флаттер продолжается. Рука, вырвавшись от меня, плещет во все стороны. В дикий танец стрелки приборов. Наконец они сваливаются с осей. Рукой по-прежнему мелеется из стороны в сторону. По-прежнему мне надо удерживать самолет. Она бьет по руке.

Скорость же это может продолжаться? Кажется, прошло уже добрых десять секунд. Пристегнутый ремнями, а врозь вместе со всем самолетом. Черт побери! Не работают приборы, и теперь я не буду знать, в какой момент произойдет разрушение. Одно известно: пока этак не наступит, надо бороться. И ведь есть к тому же возможность. Надо выключить двигатель. Дотягиваю до тумблера и перекидываю его рычажок справа налево. Труска продолжается. Отчаянная тряска, которую и сравнить не с чем. Ну, попробуй представить себя сидящим на... отбойном молотке, который работает этот самый молоток вне всякого ритма, хоть и с огромной частотой ударов.

Машиннольно смотрю на рычаг сброса фонаря. Он на месте, но тоже плещет, словно davvero управляет его танцем. И тут... машина переворот джоржет. Становится тико-тико. Так тико, что кажется, уже заткнули ватой. Конец флаттера.

— Скорость погашена. Флаттер прекратился, — докладывает «элемент». А отсюда слова, на первый взгляд никак не соответствующие случаю: «Тыбе давайте, трело четыре минуты».

И еще я отчетливо слышу, как кто-то облегченно вздыхает у микрофона.

— Счастливой тебе посадки.

Узнаю голос Марии Лазаревны галла.

Что-то так работало за меня переключатель.

Машина планирует к земле. Она уже совсем близко. Запускаю двигатель. На секунду мелькает мысль: а вдруг не запустится? Но уже слышу его рычание. Высота — сто метров. С ходу сважус на полосу.

Правила в поступил, не помнгу машину. Как бы проликала себя, если бы поторопился.

...После разбора полета никто на эту тему больше не говорил. Лишь однажды мне сказали:

«... Тыбе давайте, трело четыре минуты за четыре минуты все внутренности оторвать должны».

Раз уж зашла речь о физической подготовке пилота, хочется повторить азбучную истину: эта подготовка должна быть превосходной. Летчиков, не занимающихся спортом, просто-напросто не бывает. Впрочем, может, и бывает, но я не встречал.

Летчик-испытатель Валентин Васин — специалист по посадке с остановившимся двигателем! — разносторонний спортсмен. Свою особую любовь он дарит подводному плаванию. Может, как раз поэтому однажды он даже делал попытки дальнего действия азбучной инородной системы, предназначенной для высотных полетов. Ведь с инородными приборами он познакомился на подводной охоте.

...Он ушел в полет на рассвете. Стрелка альтиметра стремительно двигалась по шкале: пятнадцать, шестнадцать тысяч метров. Иного необычного, ориентировочного набрав высоту, он совершил опережающий костюм надето предосторожно от низкого давления. Безотказно работает инородная система машины.

Неожиданно появляется легкое головокружение. Летчик понимает, что ему, видимо, грозит кислород. Явно начался недостаток кислорода в системе.

Кислородная недостаточность — явный коварный и страшный. Этот враг действует решительно и быстро. Несколько минут — и у человека синюет губы и ногти, наступает бессознательное состояние. Васин отлично представлял себе это. Искать в таких условиях повреждение! Не это явно не вовремя. А головокружение усиливается. Скорей-скорей на зюды кислородного голода! Уж рефлекторно летчик переводит машину в режим резкого снижения. Тренированный автоматизм, если можно так сказать, сводится к тщательности предполетной подготовки, звучание мануэкс твое действий, которые, быть может, придется выполнять в воздухе.

В ушах — звон. Кровь резкими импульсами стучит в висках. Темнеющая сетка опускаясь на глаза. Васин продолжает работать. Каждое движение кажется Васин последним: уже совершенно нет сил. Но тренированный организм вдруг вдруг вернется к жизни.

Высота — тысяча метров. Восстановлена жизнедеятельность организма. Голова становится ясней. Почти мгновенно восстанавливаются силы. Валентин Васин ведет машину на аэродром.

После полета инженеры нашли причину отказа кислородной системы. Дефект, конечно, был устранен.

Вы думаете, каждому, кто влюбляется в авиацию, сразу суждено влюбиться в спорт? Конечно, нет. Порой это чувство приходит, перебарывая через барьеры лени или недисциплинированности. Но то, что оно придет... исключено. Если его не искать в таких условиях повреждение! Не это явно не вовремя. А головокружение усиливается. Скорей-скорей на зюды кислородного голода! Уж рефлекторно летчик переводит машину в режим резкого снижения. Тренированный автоматизм, если можно так сказать, сводится к тщательности предполетной подготовки, звучание мануэкс твое действий, которые, быть может, придется выполнять в воздухе.

Высота — тысяча метров. Восстановлена жизнедеятельность организма. Голова становится ясней. Почти мгновенно восстанавливаются силы. Валентин Васин ведет машину на аэродром.

После полета инженеры нашли причину отказа кислородной системы. Дефект, конечно, был устранен.

Вы думаете, каждому, кто влюбляется в авиацию, сразу суждено влюбиться в спорт? Конечно, нет. Порой это чувство приходит, перебарывая через барьеры лени или недисциплинированности. Но то, что оно придет... исключено. Если его не искать в таких условиях повреждение! Не это явно не вовремя. А головокружение усиливается. Скорей-скорей на зюды кислородного голода! Уж рефлекторно летчик переводит машину в режим резкого снижения. Тренированный автоматизм, если можно так сказать, сводится к тщательности предполетной подготовки, звучание мануэкс твое действий, которые, быть может, придется выполнять в воздухе.

Нет. Это не галлюцинация. Я вижу удивленные лица людей, стоящих рядом со мной. Поток чей-то голоса: — Это Лева Салько.

Почему инженер, ведущий инструкцию, отправился в полет таким странным образом? Что произошло? Размышлять над этим сейчас нет времени. Надо добывать до командного пункта и, связавшись по радио с летчиком, сообщить ему о происшествии.

Вскоре машина возвращается к аэродрому. Летчик ведет самолет очень осторожно. Явно боится, что толчок при посадке может сбросить с оси несчастливого инженера.

Но инженер не падает и не летит. — На таком морозе в воздухе и пяти минут не продержись!», — говорит кто-то.

Машина уже плавно катится по снежному насту. Мы стоим молча. Каждый по-своему вспоминает инженера Лева Салько.

В жизни испытательного аэродрома бывают трудные минуты. Чудо же — изобретение Попова — приносит не только радость. Иногда оно соображает на землю о горь.

Най раз летчик сообщает ничего не мог. Он не мог знать, что делается под фюзеляжем его самолета. Мы сами теперь видели все: автомобиль, подвешенный под брехом крылатой машины, шксто, стойки. Инженера Салько там не было.

Самолет закрутил на стойки. Мы все так же стоим молча. Кто-то силл шата. Машина с прицепленным под брехом грузомиком остановилась. Из кабины грузовика вышел Лев Салько.

Через несколько минут, когда инженер высобился из объятий, мы поняли, что произошло.

Все началось с крохотного нарушения установленного порядка. Самолет был в азате, порт, лопатки двигателя уже навели своей стремительный бег по кругу, когда соборованный инженер решил все раз провратить надежность подвески автомобиля. По существующим правилам находиться под машиной после запуска двигателя категорически воспрещено. Чуть-чуть переступит установленный порядок Салько не считал чем-то особенным. Но больше того что под брехом самолета он оказался из-за самых лучших побуждений.

Со стойки самолет поддурил на старт, и Салько, не желая спрыгивать с шасси на землю, решил держаться, когда машина остановится на стартовой полосе. Но в этот момент он услышал, что самолет уже начал движение. Самолет уже набрал значительную скорость и оторвался от земли.

С катастрофической быстротой она уходила куда-то вверх. Оценена от ужаса, Салько смотрел на нее, не в силах что-либо предпринять. Наконец он отстранил с себя это ощущение. Он понял, сначала чисто интуитивно, что происходит и начал думать, как же можно спасти самолет. Как всегда у храбрых людей, в тот момент у него созрело решение. Он решил перебраться в грузовой. Он отлично сознавал, что сделать это надо немедленно, ибо еще через секунду турبو окончательно окончатся, перестант слушаться, и тогда... Он применил расстояние от оси самолета до грузика. Раздел рулев. Воздушный поток сорвал его с места и понес по воздуху. Это длилось какое-то мгновение. Пролетая вдоль кузова, Салько ухватился за его край.

Слапши рули спортемена, уже заморозиле донельзя, но тренировки, руки с железными плавцами и стальными юстиями. Инженер повис на ручках, как предостерегающий. Он не хватил никуда. Телл подкачался на шпальном ветру, потонуло вверх. Еще через мгновение, вспоминая добрым словом свои занятия спортом, Салько сидел в кабине.

Но переживания на этом не кончились. Едва он утвердился на сиденье, как услышал фразу, сказанную им летчику перед полетом: — Если автомотор в воздухе вызовет вибрацию самолета, немедленно сбрось его. Не рискуй, пусть падает, черт с ним.

Сейчас Салько представлял, что будет, если начнутся вибрации самолета и летчик выплюнет его назад. Он точно видел, как рука пилота гнетится к кнопке аварийного сброса и нажимает, которая сидит инженер-майор Лев Салько, начинает падать. Он четко видел траекторию своего падения. Только не знал, будет ли машина лететь по прямой колесами вниз или же начнет кривляться. А еще он подумал, как это нелепо получилось. Однако, как всегда, Салько не растерялся. Он решил, что в случае непопавости, в том, что инструкция пишется, дабы их выполнять. И по истине дисциплина — есть одно из самых замечательных понятий.

В этот момент самолет коснулся колесами земли.

Кто-то из кабины, как и все мы, поздравил инженера с чудесным спасением. Потом он сказал:

— За нарушение инструкции по проведению испытаний вы подвергаетесь арсту на трое суток...

Я много рассказывал о Коткельской планерной школе. В частности, писал об одном эпизоде из своей жизни — тогда речь шла о разрушении планера в воздухе. Бываюче через несколько дней после этого эксперимента инструктор нашей школы Михаил Романов и меня вызвали в Ахтубинск. Нам было предложено с Романовым своим равным, а также любящею об организации в Турнии перелета в стране аэробула, и большой друг Советского Союза Кемаль Атаюрк обратиться к нашему правительству с просьбой прислать инструкторов.

Осознав, остановил свой выбор на нас по весьма простой причине: Михаил Романов был инструктором самолетного, планерного и авиамодельного спорта, а я — инструктором самолетного, парашютного и планерного. И вот мы в Анкаре. Первая встреча с нашим будущим воспитанником. Первые показательные полеты и прыжки. Первые занятия.

В аэробуле ширла атмосфера взаимного доверия и дружбы. И езаподой эти взаимоотношения была дочь президента Атаюрка — Сабина. Она была, пожалуй, самым близким человеком Салько. Речи шали в авиации, своей великолепной выдержкой и дисциплинированностью. Именно эти качества позволили ей довольно быстро освоить пилотажное искусство, стать отличным летчиком.

Если вопрос о дисциплине в авиации всегда стоит во весь рост, то

когда речь идет не об одноместных самолетах, а о машинах, на которых летит целый экипаж, он приобретает, а бы сказал, главенствующее значение. — Два турецких инструктора — летчик и парашютист — «вызвали» инструкторов на прыжки.

Курсанты летали на небольшом аэроплане, где, помимо инструкторов, находились трое парашютистов. Эта машина обладала интересным отличием от обычных машин с двойным управлением. Как правило, самолет, рассчитанный на двух пилотов, имеет две дублирующие системы управления — перед и задний. В первом варианте в «люк» перед правым сиденьем для каждого летчика были приборы и педали, но штурвал на самолете был только один. Его колонна находилась между креслами пилотов, а от нее шла консоль, к которой и крепился штурвал. Когда машину вел первый пилот, консоль принадлежала ему, когда управление принимал второй — второй.

— Самолет вышел в заданный пункт. Сейчас от него отделился крохотная точка — парашютист. Мы стоим и ждем этого момента. Чего они мадайт? Теперь наверняка промажут при приземлении. И вдруг... беспорядочное падение. Не хватил никуда. Падение кончается в «люк» прямо аэродрома. Под облоками «Моноспар» пятеро турецких авиаторов. Врачам не удалось спасти ни одну жизнь...

Что же произошло с самолетом, летавшим до того исправно и надежно? Австрийная комиссия долго и тщательно расследовала причины катастрофы.

— «Первый летчик в том полете был выпускником», то есть командующим прыжками парашютистов. От «левого», который являлся командиром экипажа, требовалось вывести машину в заданную точку, куда требуется для производства прыжков. Командир утверждал обратное. Он, видимо, считал, что меньшая скорость может привести к потере управляемости. «Правый» стоял на своем. Он выхватил штурвал из рук командира, перекинул консоль на свое сиденье, и самолету удалось вылететь из «люка».

Отсутствие железной воли у командира и потеря чувства личной ответственности за судьбу экипажа и машины — это одна из причин трагедии. Нежелание повиноваться и соблюдать «табело о рангах» — вторая сторона той же медали. Кстати, «табело о рангах» в авиации почти не существует. Все строится на соблюдении этого самого табеля славы не одну жизнь...

Мне вспоминается полет на планере в годы войны в тыл врага. Это была самая первая планерная вылазка через линию фронта. Необходимость применения планера диктовалась следующими соображениями: парашютное устройство можно повредить только бесшумно прыжком на партиязскую базу, но раскрывать ее местоположение.

Оруженная часть генерала Казанина нуджалась в бовеприлах и медикаментах. Большой планер «А-7» конструкции О. К. Антонова был загружен до отказа боевыми припасами, самолету было мало топлива.

Нам предстояло пройти двести двадцать километров за линию фронта, найти расположение цели, уйти в тросу, дабы шумом самолета отвлечь внимание вражеской ПВО. Планер должен был отцепиться и в планирующем полете достичь базы.

Через несколько минут самолет начал стелиться по земле. Единственные ориентиры, которым я мог пользоваться,— всплески огня из выхлопных патрубков двигателя. Видны они были лишь в том случае, когда я держался прямо за самолетом.

Весь полет я держал равнение очень трудно. Здесь требуется предельное напряжение зрения и внимания. К тому же...

Был в нашей части начальник штаба, майор, прозванный «Косточкой». Этот самый «Косточка» перепутал установленные на ту ночь сигналы «СБ» — «ужой», и, ослепшись с осемер пролете наших зенитчиков вражеской ракетой, мы тотчас вызвали на себя ураганный зенитный огонь. Глупо погибнуть от огня своих батарей! А снаряды рвутся все ближе и ближе. В черном небе то справа, то слева возникают белые облачка разрывов. Мы идём в колщце этих облачков. «СБ» продвигался головокружительными прыжками пытался уйти от разрывов. Следом за ним, повторяя каскад фигур и мой планер.

Как-то нам удалось уйти от огня. Но... мы тут же врезались в зону аэрозастенных заграждений. (И здесь «Косточка» что-то недурится.) Стальные нити, натянутые горизонтально, вертикально и по диагонали, выжили в кривых. Как в крошечной темноте я видел эти смертоносные нити: настолько близко они проносились от планера. «СБ» опять маневрировал. Опять я абсолютно синхронно должен был повторять маневры вслед за самолетом. Порой хотелось отдать самолет вперед, освободиться от самой себя и свободно планировать, уйти от опасной зоны. Наверное, то же самое думал командир буксировщика. «Клост» больше ста метров длиной был для него страшной обузой. Тем не менее мы оба выполняли приказ. Абсолютно точно. Без всяких оговоров.

Через два с лишним часа после этого ясно, что базу Казанина нам не найти. Сколько мы ни кружили в указанном районе, сигнальных огней не было. «СБ» потащил меня назад. И опять были аэрозастенные заграждения, и опять зенитный огонь. Мы шли, связанные тросом, держась друг за друга, вернувшись к своей аэродрому целыми и невредимыми. Часть генерала Казанина нам отписать не удалось потому, что генерал за это время с боями пробился из окружения.

Как сложилась бы моя судьба, если бы я отцепил буксирный трос и начал планирование самостоятельно над территорией вражеской территории? Вероятнее всего, нарушение приказа повлечло бы к тому, что я никогда не имел бы возможности сесть за эти записки.

Взаимоотношения в экипаже, «табело о рангах», права и обязанности «вызвали» коллективе... Вспомнив эпизод за эпизодом, хочется еще раз вернуться к расследованию этой самой аварии, дабы выявить причины ползти по фюзеляжу, а затем отворачиваться от удара стабилизатора.

Первое дело после аварии — найти телефон, связаться с аэродромом. Я позвонил на аэродром и узнал, что второй пилот благополучно добрался до базы, а командир экипажа — парашютист.

Муршки побегали по туле; может, инженер не слышал моей команды немедленно покинуть машину? Может, в момент, когда я подаю команду, моему внутреннему переговорному устройству уже обгорели! Может, я, командир, поинял машину, оставив инженера на борту!

Я размалывал над всем этим, в каком-то оцененнии сидя у телефонного аппарата. В комнате появились колонизаторы.

Весь смысл — в лесу. И парашют сверху в пятидесяти валяется. Мне все стало ясно. Опустив голову, я отправился к машине. Неподождав от ее останков вальяное белое полотно... Невольный вздох облегчения: это всего лишь тормозная парашют самолета.

И все же немножко оно не пришло. Пришлось продолжать казнить себя за то, что не проверил выполнения своего приказа. Либо не третий час этого мучений узнал, что инженер тоже связался с аэродромом, что он жив, здоров и не мог позвонить раньше: поблизости не было телефона. Я ужемыслил не стал искать грани между риском и мужеством, смело и с достоинством перешагнув грань, найти нельзя. Так же не стоило искать рубежей между требовательностью к товарищу и подлинной дружбой воздушных братьев.

Пожалуй, самым требовательным начальником из всех, кто довелось мне встретять в авиационной был Иван Фролович Козлов. Он летал с 1917 года, отлично владел искусством пилотирования, точно понимал все, что касалось психологии летчика. В ЦАГИ, где работал Козлов, им была создана первая школа летчиков-испытателей. В составе «школьников» были в основном техники, работающие здесь же, в ЦАГИ. Одним из таких «школьников» стал Георгий Шибалов.

Козлов очень любил своих питомцев. Он не жалел на них ни сил, ни времени. Но если он видел неадекватно или недисциплинированность, гневу Ивана Фроловича не было предела.

Сложный испытательный полет заканчивался успешно. Георгий вел машину на аэродром. То ли от чрезмерного напряжения, то ли по иной причине, он несомненно, странно, чудно безразлично, охватило лицо. Он видел, что снился раньше вранцам, что один за другим допускает ошибки в пилотировании. Пронесет, думал летчик, рассматривая пересекающую его трассу линию электропередачи. И тут удар потряс самолет. Концом крыла он задел за столб, машина рухнула вправо, но Шибалов, собрав все свое умение, даже опит испытателя, вывел самолет и посадил его.

Угнетенное состояние не оставило пилота все последующие дни. Именно в таком состоянии состоялось его разговор с ведущим инженером во время очередных испытаний:

— Надо прекращать полеты. Бóковой ветер усиливается, еле-але держиваю машину.

— Ну, последний полет сделаем и по домам,— сказал инженер. Шибалов велел машину в воздух, а когда заехал на посадку, сильный порыв ветра толкнул его сбоку. Машину занесло. Подломилось шасси. Летчик почувствовал, как он потерял управление. Что-то казалось совсем баывает, можно и подломит самолет. Но разве можно это делать ежедневно?

Шибалов ходил сам на свой. Проистежания не выходили у него из головы. Он очень нравилось, да же в моменты, когда на следующий день, закончив полет, заруался на стенку. Картины случившихся авиарились настолько ясно, что он невольно пролигивал заново неудачные полеты. Вот здесь надо было дать правую педаль, подумал Шибалов, ч. л. развинутого — нажал на педаль. Катящаяся машина зашевелила стовящий самолет. ЦП и его товарищи не пострадали. Георгий было не летать.

Он уже хватал знал, что не может летать, что пролегло умение, навал, талант испытателя.

— Какой я в черту испытатель, я даже не ревоисый летчик,— в сердцах сказал он другу.

В последующие дни он не летал. Спустился и поленен. И тут вернулся из отпуска Козлов.

Шибалов привал к нему и повторил висящую на языке фразу:

— Я летать разучился.

Сарье глаза Козлова налились яростью.

— Какой болван вам это сказал?

— Он потащил испытателя на аэродром. Остановились у истребителя.

— Шибалов! зарекал Иван Фролович заманитому летчику, точно так как много лет назад ирчал учелшу Шибалову.—Выполните полет по кругу и посадку.

Георгий выполнил полет с величайшим усердием. Он и в самом деле чувствовал себя в это время курсантом, за которым следит строгий инструктор в послереду машинного лета.

Козлов подошел к нему и тем же требовательным голосом прокричал:

— Еще раз повторить управление!

Шибалов вновь ушел в воздух. И так больше десяти раз. Влет, полет по кругу, посадка. Каждое предупреждение летчик выполнял, как и подобает асо.

— Он выпрыгнул из машины с улыбки «да уже».

— Дурак,— сказал Козлов.—Разучился летать можно только тогда, когда потереш веру в собственные силы. Понил!

Так разве можно найти грань между суровой требовательностью и великими авиационными брестством — качествами, которыми так щедро наделили многие и аюние из клетать рожденных.

...У меня кончился отпуск. Пора завершить свои записки. Ответил ли я на вопросы, поставленные перед самим собой. Далеко не в полной мере. Видно, ответить на вопрос, кавим должен быть летчик-испытатель, практически невозможно, ибо нельзя выстроить по определенному ранжиру многообразие человеческих характеров. Но если мне удалось хоть в какой-то степени приписать заветную наивность нашей профессии, я буду считать свою «техническую» миссию выполненной.

Я стою на краю аэродрома.

— Эти идут в высотный,— говорят мне, показывая на шагающий к машинке экипаж.

— Кто там?

— О., К., Н.— из школы летчиков-испытателей.

Жаль, что я не успею познакомиться с этими ребятами. Впрочем, я и так могу пожелать им:

— Летите выше!

Литературная запись
корреспондента «Свеи» Вор. СЕМЕНОВА

СТРА-
НИЦА
МАЛЕНЬКИХ
ВСТРЕЧ

ДОНСКАЯ ПОВЕСТЬ

«Степь. Пустынная дорога.

Последний раз оглянулся красномощец Шибалов на товарищей и пошел по дороге, вода в лповду кипела в березовый приток в тоги прохладного ребеиа.

Молча с затановно грустью смотрит след боевые друзья. Ими отсутствием Шибалов быил в путь, чтобы убеждт себя, что это далеко — Шибаловое сая, тобы убяся не сразила шальная пуля.

Как он оказался на передовой? Что произошло? Почему так соробы и участники ликвидации сподвигнуи героя изгнани?

О большой человеческой драме, о возмущающей душу гуманизме, о глубокой человеческой несправедливости рассказывает зрителем новых фильм «Донская повесть», созданный по мотивам шолоховских рассказов «Шибалово сая» и «Родина».

У автора сценария А. Витол и режиссера В. Фетина, несомненно, на их творческую мощь, обращение к творчеству Шолохова, пронизано не апломбом. Еще будучи дипломником ВГИКа, В. Фетин поставил запомнившуюся зрителям картину — «Меребине», отвечающую премии на Международной кинофестивале. Идея зрительного воплощения других рассказов Шолохова давно волновала молодого режиссера, и после «Полосатого реиса» он решил повторить ее в жизни.

Объединяет сюжет «Шибалово сая» с рассказом «Родина», откуда сценарист и режиссер взяли отчетливый образ новоявца отряда Иникии, авторы исходили из того, что герой Шолохова — один из больших человеческих характеров.

Шибалов — скромный, простой, можно сказать, застенчивый казак, для которого дороже всего на свете с пра в а д а и о с т ь. Любит задушевно воявы товарищей по отряду за справедливость, борется с безобразиями за справедливость, верит в революцию потому, что она справедлива и праведна.

Молодой, ладной закалке, оставленный в отряде на уходух беловандитам, Шибалов пронинсается соуюстияем, переживая в нем и привязанность кель младшему офицеру, и дружбу с первостепенностью.

Взаимоотношения с Дарью, ее влюбное вторжение в душу и сознание Шибалова — этакого

«неповоротного до баб казана, как считали его в отряде, стало первым представлением и наружило душевное равновесие Шибалова отряда.

Баб, прощаясь внезапно. Ночно, когда отряд спал, Дарье стало плохо. Яков знал со дня на день Дарья должна родить, и ждал этой минуты. Но висте: со столами ромеюнии ночную тишину разорвали свист и гинкаяй калтешей войды. У казана не было боеприпасов. В ту ночь мало кто уцелел.

А несколько позже в лесу, мучимая родима Дарья, уверова в свою смерть, варт отпрыска страшную правду:

— Не разойдётся мне буть... Хочу поиниться... перед тобой... Знаешь, кто банде сообщил, что у вас патронов нету? — Кто?

— Да кто ты, дураки! Не тот час, чтобы гуттерить. Ленин, молчи,— сиява набрайсию.

— Я в банде пошел с откода была, с Иникии враньем тигалась. Год назад послал меня Кошкиев в составе... и ваю... что всеяие сведения им сообщили...

Он медленно пристав, сиява в слепой ярости иудак, наварт раздался детский плач...

— Не чувствуй под собой ног, Шибалов! пошел прав!

Роль Дарьи — одна из лучших работ антриссы Людмилы Чурсиной, студентки училища театра Вахтангова. В повеле Шолохова антриса увидела неисчерпаемую возможность для разностороннего раскрытия характера своей героини. Стоит только вспомнить, какая гамма настроений и чувств смениет друг друга у этой неуравновешенной, чуть диковатой, озорной казачки. Этот каскад чувств требовал не только большого актерского темперамента, но и точного, глубокого прочтения образа Дарьи. И если героиня шолоховского новеллы волнуот, вызывает у зрителя искренние доверие и сочувствие, это заслуга и талантливой антриссы.

Картина плотная и строгая, Шибалова и Шибаловитца. И хоть не все образы остались доведены до конца, аэраодом истощаюнии, не идеалозна новая автриса с героиней Шолохова — не реалистично, не достаточно выжаными, реальными, выхваченными из жизни и вставленными бережно перенесёнными на экран судьбой, а в ряде неточных соображений любимого писателя.

Т. ОСМНОВ

Кадр из фильма. В роли Дарьи — артистка Л. Чурсина, Шибалов — артист Е. Леонев

РОЗА ПРОЛОГА

ДАНИИЛ ГРАНИН

Из глубины горизонта, муравя и дымясь, шли фиолетовые лучи. Стрелки пролегли, вращаясь, пролегли, вращаясь, пролегли, вращаясь. В узлах самостягивающейся в биссекцию —

Кривина Гюлини. И они победили. Ни едва удалось добраться до укорытия. Стрелки удались, вращаясь, вращаясь, вращаясь. Еще и еще. Гюлини терпеливо обвила Янею.

И тут же он получил удар по щеке. Разгневанная Янея была короша. Нагальна-необразованность волосою ее потрескалась. В них то и дело проскакивали электрические разряды. Потряса болешую шею. Гюлини чужелюбно умал, год он еще видел такое же фиолетовое зрелище. И он вспомнил. Это было в маленьком рыбацком поселке. Паскача отставил. Перевернутый сарнас, Валелене жой каша на стовой гюлане. Запах смолы. Пылящий аромат чиниошшии лодвород. Душистые благоухание нос. Когда их расчесывали, между зубьями робно проскакивали искры.

Размышлял над этим при-

родным явленияем, Гюлини машинально обвила Янею за плечи и осторожно привлек к себе. На этот раз она не дралась. В ушах ее стучались. Порывом ветра с потолка сорвало крышу. Беспокойная в воздухе и куда-то унеслись стены.

Гюлини и Янея очутились под открытым небом. Но они не замечали этого. Они стучились, инстинктивно друг к другу. Внутрь сверкали молниями, они ударились в землю и оставали после себя легкую запахов осязаю. Одна из молний, шаровая, затулась в Янеинных волосах.

Хмелу явелье. Потом холерный град астался по оголенным Янеинным плечам. Гроза завершилась снегопадом.

— Черт возьми, — сказал Гюлини, — стучалась кокетка от Женины губы, — а ведь ты Янеинна протрясла! Газа Янея сидали от выгнати.

Менюга прошла. Сметали солнце Сюва заблестели на столбах фарфоровых изоляторы. Янеины волосы, просика, шесело дамиле.

Вдали еще громылаха и сверкала.

Растерявшись явлю Парик купался в солнечных лучах. Кромешный похолод надела точечной трамвай медленно тащил по Сене расквашенный шедм. Фу видел ан работ. На трехсотметровой высоте Зиферелюй башии он совершил прыжок и вынул расчет.

Он подошел к барьеру и на стальной полу смотрел на планшете сделал «стойку». И почти сразу почувствовал, что «поплыл вместе с балочной гнзачиской соединении». Началась, как всегда в спондиюную минуту, размах колебания. Изучил трех метров. Несколько секунд назад, стою «обманки» погасил, асталый вердикт башии «аробат» почти не ощущал этого поначиванию, но сейчас он воспринимал, что почти каждым мускулом. «Занит. два три.» При счете «шестем» дернулся вперед, а сейчас уже не слышал. «Занит, три. счете «шестем» нужно будет изменить планшета.»

То, что произошло тогда, заставило поблблеть даже многолетних журналистов. Над перилами барьера на огромной высоте выметались вездых от аробата «рельсачки» стояли на одной ноге, вытянувши в струнку на дуть. Иоготинских, как змея, ой поболтал затем ноги на голову и у стальной на лице «обманки» погасил, асталый труднейшей «арабской стойки».

Вот Геннадий Попов, артист выступавшего в Париже московского «Моззикхолла».

На одном из первых афишек имя Геннадия Попова появилось в середине 50-х годов. И почти сразу к юноше, только что дебютировавшего на сценах Советской Армии, пришлось пригласить на всемосковный конкурс артистов звезды за номер «баланс на проволоке», который он исполнил на лауреата. Новый номер «баланс на катушках» принес еще один успех. На всероссийском конкурсе в 1960 году Попову присуждают диплом.

Во многих городах нашей страны видели интересную программу, подготовленную выступавшими в «Москопосис» театральской труппе — это было искусство, в «жизни раз бы было», составляла две-три минуты. И являлась эта программа, в которой Геннадий Попов выступал под названием «Оригинальный эквилибрист». Этот номер неоднократно признали критиками одним из шести самых оригинальных номеров в мире.

Вот Геннадий по Франсу писал «Атлету, подобному Геннадию Попову, мы еще не видели ни на сцене Олимпии, ни на стадионе». Такими словами возгорелся. Этот молодой и симпатичный артист завоевал на одной ноге на вершине двухметрового металлического шеста с такою

душной флот летава (от «вертикала»). Воздухоплавание — летоба. Аэропором — летбиче. Самолет леточи, леточбиче. Аэропорт — леточиче. Любопытно, что все эти слова, обозначающие летава, являются русскими грамматичными, мягкие и красивые по звучанию (как «летавщина»). И вместо привычных слов русского языка, в место большинства из них употребляют иностранные слова. Впервые, еще далеко в том, что эти слова образованы по архаичным образцам, основанное на языке фольклора, знатком которого был поэт, в то время как живой язык требовал воссоздания нового языка и нового понятия, а не производного от существующего.

Очень так же предлагал Хлебников реформировать словообразование, заменяя их другими, более точными по смыслу. Например: автотрактор, машина — шутыня, свертельщик, комодия — шутьиня, сверильщик, трактор — шутьиня, автомобиль — шутьиня, автомашина — шуйнижа, предстваление — соорериния, театр сооружение, критик — гурди-мурди, зритель — соорерал, зоополок, труппа — шуйнижа, танец — шуйниженик, каскир — ползуюнени м. т. д.

Конечно, сейчас эти словотворческие курсы и в качестве таковых и пришедшие в употребление слова воспринимается и попытка А. Кручениных и В. Хлебникова. Своеобразием своей «язычной «за» предания разума, язык

В. ХЛЕБНИКОВ

летностью, будто его подбрасывают невидимые пружины. Мало того, другой рукой ой одновременно толкает лезущее паровоз, и спрыгивая вперед и атлету, гибкому и грациозному, как танцор, улетает стать самим Геркулесом.

И Франци Геннадий Попов привез именую памятную медаль парижского мюзик-холла «Олимпия». Такая медаль вручается парижским артистам, выступавшим на сцене этого знаменитого эстрадного театра.

Вспомните, как любил, поворачивать вершину Зиферелюй башии, вызвала восхищение парижан и спрыгивая на вершину Геннадия, что он испытывал в те минуты «обманки» погасил, асталый бесшумный номер. Он отшел и радовался, что победил выгоду победил себя. Д чувствовал себя аробатом.

А. ПИН

СЛОВОВОБОРСТВО

Знаменитый русский литературовед и биограф С. А. Венгеров в статье о поэте Бенедиктове писал: «Известно, что самый гениальный представитель русского литературного гения умел обогатить орфоэпическую родного языка одним, много двумя или тремя новыми словами. В последние десятилетия жизни, много десятилетия жизни и около ста». Поэт Я. Полонский даже составил «Алфавитный список слов, соименных Бенедиктовым, видоизмененных или почти линиях не употребляемых вообще». Вот некоторые из них: волноборец, безграмотность, мушкетерство, недопоточек. В создании новых слов, конечно, нет ничего особенного. Неологизмы встречаются в творчестве многих писателей и поэтов (см. заметку «Несколько глыбы писателя» в № 3 «Смены» за 1964 год, но далеко не все они приносят в современную жизнь. Можно привести ряд примеров из творчества Мамковского или Есенина, где неологизмы, выразительные в поэтической контексте, оказываются в прозаическом тексте в разглагольствованиях «запутанности» запутанности (например, осуждая зарне или «осуществится та же бедня»). Маститый литературовед осуждая Бенедиктова, выступил в пользу неологизмов вообще. В прозаическом неологизм как некий социум, высказанный поэтом в следующих строках.

«Изабретай неслыханные звуки, Выдумай невидимый язык».

Венгеров в своем «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», осуждая даже умершего до него Бенедиктова за «нездоровую и не подорвавшую, что через двадцать лет повлечет группа поэтов, и «выдумывание своей чуждой и ничтожно цитируемой неслыханных звуков» и «выдумывание невозможных языков». Это были футуристы.

Проволакаса себя создателями «искусства флуакариние геронические во все старое, но поощряя при этом и явное, «Плате» и не мненют и не подорваха, а язык у нас в основе один — тот же текст. Самые ВВ словообразователи произвели радикальную чистку языка! Надо омолодить его новшествами и заумью». Они считали, что их новая поэзия должна разговаривать своим, новым языком, и поэзия мы призывали и полной свободе языкового экспериментаторства.

Огромный пластический геронические усилия в создании новых слов прилагал поэт Валерий Хлебников. Обада радостности чувством слова, он создавал поэтику произведений от начала. Так, его произношение от слова «полюбить» зашли три строки словообразований «летать», «рвать», «пирвать», относящихся к автотрактору, предложено Хлебниковым.

Так, летчина он летт, детатель, лету, летат, летат, летичу — летиче летучем (по аналогии с «мерца-мица»), Пассанеры — летани. Воз-

подознано, по современной терминологии. По утверждению А. Кручениных, это «язык», а не только общий язык (понятие), но и личным (творческим индивидуальным) значением («не застывшим, заумным»).

И хотя существование нового языка предопределил его как прообраз будущего мирового языка, на деле этот язык возник и в набору звуков, которыми, большей частью, труднопроизносимыми, произносимыми, выговаривались Убещур, Скум, Вы-сы-бу-бу, Р-э-э-э.

Разумеется, «заумный язык» — последиствие крайности в словообразовании, дальнее которую, как говорится, ехать нельзя. Здесь, однако, неясно определение значения, нельзя по той причине, что язык не есть то, имеет «определенное значение». Сконструировать язык без словаря — значит по нежелатель, как построить кирпичный без кирпича.

Неудачные попытки в создании «самоименованного», «самовитого» слова, как и «нового языка», mostram, что слово не менее словотворчество постоянно существует и никогда не прекращается, а язык не есть то, имеет «определенное значение». Слова приходят новые слова; одни из них остаются, другие, пропавшие навсегда. Поэтому, язык не есть то, имеет «определенное значение». Слова приходят новые слова; одни из них остаются, другие, пропавшие навсегда. Поэтому, язык не есть то, имеет «определенное значение». Слова приходят новые слова; одни из них остаются, другие, пропавшие навсегда. Поэтому, язык не есть то, имеет «определенное значение».

В. ХЛЕБНИКОВ

Агре

ДЕЯТЕЛЬНЫЕ ЛИЦА:

полицейские,

члены антидопинговой комиссии,

таинственный профессор

Отанн

детективы,

менеджеры,

футболисты,

прокурор,

и, конечно, итальянские «тифозы»

Профессиональная итальянская футбол пошлет немало скандальных историй. Сейчас уже много не удаив рассказам о гримас максималистского выноса результатов игр, о бахословной «звезде», норуллинге, незнущей системе штрафов и т. д. В последнее время на теле «национального вида спорта» как любят называть футбол в Италии появилась еще одна звезда — допинг. Игроки по наущению тренеров или нечаянно мучаясь при ответственности матчах принимают возбуждающие наркотичекие допинги. Награды за выигранные — большие деньги — затмевают более строгие наказания по времени угрозу — разрушение организма через несомненно тел. Футболисты в погоне за «золотыми телешоу» не думают о будущем, а их хозяевам свет до них делал. Они знают, что на деньги, заработанные на нынешних сносках «гладиаторов», всегда можно купить новое.

«Болонья» приняла настоящие угрожающие характер, что Итальянская федерация спортивной медицины была вынуждена выдвинуть специальную антидопинговую комиссию, чтобы хотя как-нибудь бороться против применения футболистами вредных для здоровья наркотических возбуждающих средств.

Последние из гримас «дел о деньгах» был связан с клубом «Националь». Врачи установили, что сев футболисты этой команды приняли наркотические стимуляторы, и игроки обещали кары в виде штрафов и дисквалификации. Но до этого дела мерянет по сравнению с тем, что произошло недавно в Болонье...

Прокурор Боцифья сомневается

Обычный воскресный день в Болонье был особенным лишь для любителей футбола — «тифозов», которые до отъезда заповедники трибуны стадиона. Местный футбольный клуб, основанный имя города, принимал команду из Турина. «Тифозы» ревели от восторга, когда раздался финальный свист судьи: арбитр зафиксировал победу хозяев поля — 4:1. Это означало, что болонцы по-прежнему уверенно возглавляют турнирную таблицу первенства Италии, оставая позади прославившийся миланский дует «Интернационале» и «Вилла». В тот вечер на улицах был устроен праздничный шествие, когда болонцы подозревали, что скоро этот матч закончит их снова выигранными. Но этот раз для того, чтобы выразить протест.

— Бава футболисты скрылись под трибунами, как в раздевалку команды «Болонья» вошли трое я, предстоивших членами антидопинговой комиссии, болонцы не участвовавших в матче, сделать необходимые анализы. Требования врачей никого не удивили: это была обычная тактика «неожиданных визитов» в раздевалку.

На следующий день газеты запередили сенсационные заявления аналитиков: «Футболисты «Болонья» перед матчем с «Турينو» принимали наркотичекие допинги».

Их было пятеро: защитник Паванини, полузащитники Тузибузо, форварды Перани и Паскуитти. Имена этих пяти игроков были написаны на пробах «с субстанции», в которой комиссия обнаруживала присутствие наркотических средств.

Руководство клуба «Болонья» тут же обвинило игроков, что хотя про существование не что иное, как провозник — записанная игра миланских клубов, попытка любой ценой убраться с дороги опасного конкурента. Всл-

ные обвинения в применении наркотичекие безоговорочно отменялись.

Вот тогда-то на улицах города вновь появились «тифозы». За неделю одна итальянская газета, по инициативе «Болонья» провели в эти дни больше митингов и собраний, чем за всю соразмерную историю клуба. Стихийные демонстрации проходили под антидопинжными лозунгами.

Заседание дисциплинарной комиссии федерации футбола Италии началось с опозданием на 72 часа, так как председатель антидопинговой комиссии, директор Флорентинского токсимологического института Николанчи был найден дома с разбитой головой в бессознательном состоянии. Полиция начала расследование, путем по следу лучших дететивов. Газеты продолжили раздувать и без того пылающие страсти.

Но прежде чем перед футбольным судом» предстанут тренер, врач и игроки «Болонья», произошло еще одно событие, подлившее масла в огонь.

По решению государственного прокурора полиция постановила изъять «компроматующие материалы» антидопинговой комиссии. На основании которых были обременены пять футболистов. На следующий день в штаб-квартиру Института спортивной медицины в Риме позвонил один из офицеров с постановлением об изъятии «субстанции» и доказательства — силонин с пробами и документов о проведении анализов.

Доктор Боцифья государственного прокурора Болонья — решил выслать на дело «трижды» сторона. Экспертиза за два часа была решена четыре вопроса: определить наличие в пробе промоторирующей субстанции; присутствие этой же субстанции в других (резервных) пробках; проверить правдивость данных медицинскому осмотру футболистов после матча; провести новый химический анализ. Служены были обременены в Мединский институт Рима.

Приговор объявлен

Восемь часов без перерыва продолжалось заседание дисциплинарной комиссии, восемь часов подряд тренер, врач и игроки отменяли все предъявленные им обвинения.

В девять часов состоялось заседание так и не было принято. Председатель «Болонья» доктор Боцифья заявил, что по этому делу ведется следствие, против которого он подает протесту.

Разгорелась дискуссия, перенинувшись на стадион протесты. Митингующие утверждали, что допинг не найдено под юрисдикцией государственного прокурора. Заместитель Итальянской профессиональной футбольной лиги и Федерации спортивных врачей.

Два дня выжидал в газете «Сталпа» бывший премьер-министр Итальянской Республики Энрико Миддио, что удивило болонцев, именоваться.

Активнее государственными органами заставила футбольных бонд сделать репутацию. Имена обвиняемых о своем приговоре: «Болонья» — наркотичекие допингами «Болонья» футболисты — тренер Фульвио Бернardini дисквалифицируется до 21 сентября 1985 года.

Снять с команды «Болонья» три очка (лучшие игроки за игру с «Турино» на стадионе провинции Флоренция футбола Италии).

Это было в сам же три очка, которые отделила итальянские клубы от «Болонья».

«Болонья» не могла защищаться, так как полиция не имела ее документов и результатов анализов.

Решение комиссии в спортивных кругах было расценено как несправедливое. С одной стороны, она сделала попытку показать свою незави-

симость, объявив приговор, но доказав результаты судебного расследования, а с другой — попросила отменить приговор, что означало бы наказание пятерых футболистов. Наибольшее удивление вызвало то, что наказан лишь тренер. Слова Бернardini, что «Болонья» не смогла доказать, что она не виновата, не удалось услышать смысла мотивировки решения, получили всеобщую поддержку. Но «Болонья» правда заключена, и сомнение, в том, что за это самое последнее событие в итальянском футболе платит своя кара репутации. Из самых серьезных и честных тренеров в стране. Будучи лучшим игроком, помертвела тренером.

Преступники или жертвы?

Дисквалификация тренера? Это было что новое в футбольном мире. Действительно, как практически можно запретить тренеру проводить тренировки? Единственное, что Бернardini не мог сделать официально, — это рукоприкладствовать по отношению к игрокам. Однако уже после следующей встречи на стадионе в Болонье произошедший вызвавший немало шумихи на трибунах в Риме Бернardini прерочно сидел на трибуне среди зрителей и в поведении никак не выдал, что он протестующий. Он не пошел в возмущении, а просто сидел на трибуне и не знал, что можно протестовать в такой ситуации.

Тем временем Болонье тысячи болельщиков продолжили демонстрировать свое возмущение в адрес дисциплинарной комиссии. Наиболее рылые из них устроили «кокуты» за автоматическим дисквалификацией тренеров, перерождая их, а иногда и разбивая бутылки в окна.

Гордые власти порядком переломались на заявлениях о вынесении приговора двух лидеров — «Болонья» и «Интернационале».

К стадиону было дополнительно направлено 1500 полицейских. Запрещено проносить на трибуны тифозные предметы, продавать освежающие напитки и пиво в стеклянной посуде и т. д.

Руководство миланского клуба «Интернационале» за день до матча опубликовало заявление, в котором Бернardini и Болонсия «тифозы»: «Фулвио Боцифья и доктор «Интер» выйдет на ваш стадион, чтобы бороться за ваши деньги. Вы играете на футбольном поле, как это он делал всегда, а не за зеленым столом. Мы не имеем ни чести, Болонья, неустоя на горные подорожники, встретит вас на футбольном поле итальянского чемпионов. Решение дисциплинарной комиссии не имеет силы, судьями и полицией «Интер» скорей вместе с вами.

К стадиону «Интер» Да здравствует «Интер»! Да здравствует «Болонья»!

К всеобщему удивлению, встреча произошла на стадионе. Миланские болельщики — 3:1.

Назавало, что теперь все стало на свои места. Бернardini не мог пойти по нечестным путем сохранения за собой работы, но Бернardini заслуживают кару. Ее наказан практически (тобы «три очка»), морально (ославив игроков) и физически (наказав футбольное поле «Интернационале» сильнее, чем выписанные из Болонья).

Но раздвинулись и другие голоса. Сами игроки «Болонья» не могли не верить, что прокураторы добились своего. Бернardini, конечно, на футбольном поле «Интернационале» не мог тренера и клубу — все, что могло не повлиять на моральное состояние «Болонья» и на спортивную форму игроков. Начался слух, а их игра, и в частности Фульвио Бернardini, надо сказать, что они все сумели в столь трудный период жизни своего

Место действия — Италия, 1984 год.

Футболисты «Болоньи» гордятся: они все-таки стали чемпионами.

Новое в футболе: тренер Бернардини руководит игрой своей команды по радио.

клуба не пасть омоничально духом и удержаться в группе лидеров. Вы спросите: почему и как? Ведь то, что сделали футболисты «Болоньи», на спортивное языке никак нельзя назвать чудесами.

А если это не так?

Афера раскрыта? Да здравствуют аферисты!

Когда до конца первенства Италия оставалось всего три тура и имя очередного чемпиона страны — знаменитой миланской команды «Интернационале» — ни для кого не было тайной, разразилась новая сенсационная скандал.

Высший орган итальянского спорта — национальный олимпийский комитет — получил приглашение на пресс-конференцию, созванную представителями прокуратуры города Болоньи. Заместитель государственного прокурора доктор Джаннино Завонин собрался высказать гадательные рассуждения о состоянии здоровья силкини в анализе, взятом у футболистов «Болоньи», были повиднее дружина, в которую намерены накартировать.

Главная ошибка федерации спортивных врачей, по мнению Джаннино, заключается в том, что она не констатировала наличие наркотиков,

но не выяснила, каким путем они могли попасть «за субстанцию футболистам». Заместитель прокурора напомнил также, что ему известно имя человека, подменявшего склянку.

Это заявление сразу же изменило ситуацию. Газеты затрубили о раскрытии заговора, о «наисенсационнейшей коррумпии в итальянском спорте». Спортивные комментаторы, митинг пролиста угловый кодекс, установили, что за это преступление грозит торевское заключение сроком от 6 месяцев до 3 лет. Карьера игрока, втянутого в это дело, на него работала заминированный преступник.

Национальная олимпийская комитет сразу же дал распоряжение апеллиционной комиссии «Итальянской профессиональной футбольной лиги пересмотреть дело «Болоньи».

Накануне заседания апеллиционной комиссии миланская газета «Мил телеграфо» назвала имя преступника — профессор Герардо Отани, член рабочей комиссии спортивного центра Итальянской федерации футбола.

Эту вещь подхватили все итальянские газеты. Отани попал в суд, обвинив «Мил телеграфо» в клевете, обмане и лжесвидетельстве, что только подтвердили первые свое сообщение. Но и заявили, что они располагают доказательствами, которые докажут, что Отани, но и одного большого миланского клуба — Чьямпью Рабрал.

Поскольку речь шла о преступлении из Милана, вскоре себя обратились и другие клубы — «Интернационале» и «Милан», которые претендовали на звание чемпионов. В связи с этим «Гаджетта дело спорт» писала: «Есте-

ственно, что в случае, если будут обнаружены настоящие виновники — игрок, клуб или лицо, — роботащие в чью-либо пользу, должны быть примерно наказаны в интересах морали итальянского спорта. Сам факт перевода во вторую лигу не будет достаточным наказанием. Выносимый вердикст был исполнен из числа регистрируемых федерацией клубов».

А вот слова из болонийской газеты «Старо» «Нам вернут три очка. Но кто вернет нам моральный ущерб? И футболисты и руководство до сих пор потрошены. Выяснить следует наказание и не присваивать ему в этом году звание чемпиона Италии...»

Честная развязка

Вторая часть трагедии драма «Допинг» была завершена быстро. Апеллиционная комиссия без особых формальностей вынесла решение: возратить три очка Бернардини.

Казалось, правда восторжествовала. Однако решение апеллиционной комиссии вполне можно считать мртным положением дел в итальянском спорте вообще и в футболе в частности. Газеты назвали этот случай чудовищным, спрашивали о том, кто возместит «Болоньи» материальный и моральный ущерб. Всех удивила формулировка заявления апеллиционной комиссии, по которой Бернардини и его клуб были освобождены от наказания из-за недостатка доказательств.

Это «солomonово» решение объясняется желанием определенных кругов «спасти честь федерации футбола Италии» и свалить всю вину на дисциплинарную комиссию и ее председателя адвоката Кампано.

Другой газетой названа личность человека, организовавшего аферу так — так и не обдумавши ни в апеллиционной комиссии, ни в каком-либо другом спортивном органе. Это тоже свидетельство нежелания до конца разобраться в чужих махинациях итальянского спорта. Тем более, что в них, видимо, замешаны «сильные мира сего» повсеместно замечательных миланских клубов.

«Болонья» все же стала чемпионом Италии. Тренер «Интернационале» Эзенио Ррера, стрессая от своего клуба, заявил: «Я бы хотел, чтобы оба клуба клубы забрали олимпийское золото очкой и мы встретились бы в борьбе за звание чемпиона. Все решилось бы в честном спортивном поединке». Эзрера как в воду глядел. После последнего тура «Интер» и «Болонья» имели равное число очков — 54. В решающей игре победела «Болонья» — 2:0.

Председатель клуба «Болонья» Долларо так и не узнал о триумфе своей команды. Он узнал об этом по переговорам в срочках и весте проведя дни дополнительного.

Долларо, ставший президентом клуба в итальянском футболе, не успел даже дождаться 39 тура. Он вел активную кампанию по установлению рекорда первенства, переименнания подорвали его Здоровье.

Незадолго до своей смерти Долларо заявил журналистам: «Я не знаю, что ни один врач не сделал бы этого, если бы за этим делом не стоял клуб. Речь идет не о «Болонье», а о чести всего итальянского спорта. А он, к сожалению, аренами суверенитартистическим средством, или которому — деньги».

Вот как будто и вся история, приключившаяся с именитым чемпионом страны. Но на первый взгляд оно имеет вполне счастливые концы. Однако история неостановилась. Увидев, что всеобщее возмущение в Италии все же не может принять немедительный для себя оборот, «Болонья» и «Интер» утратив все концы, ведущие и к разоблачению виновных, и к установлению дела не сделали попытки «перезагрузки» и «забывания».

Но, может быть, этот скандал по-прежнему покончить с допингом. Никуда от него не деться. В том, что футболисты по-прежнему продолжают «забывать» о своем долге перед своих хозяев баснословные барыши.

ТАЛЬ ИЛИ АЛЕХИН!

Надее московский мастер Ю. Гусев победил двух своих ленинградцев, но в итоге там красное опознание одной партии.

В этом оригинальном поединке на очереди 21-я ход белых. Король черных эспонирован, но размен ферзей известен неизбежным. После чего атака не представит опасности. Однако следует неосознанная аферристая комбинация, которую черные и не могут отпустить жерта king в слона.

Все как происходит этот «эвергрин» февралье: 1. Фc2+ Кр: а4 2. Фf2! К: е7 23. Лf1 Сe4 24. Фe3+ Кр: 25. Лf1 Фd7 26. Фe3+!! Черные сдались.

— Впервые! — сказал один из ленинградцев — Вельми, конечно, играл Таль или Спасский.

— А может, вы нашли не опубликованную до сих пор партию Ахония? — спросил Другой.

Партии были нормальные, когда Ю. Гусев назвал имя автора этого прекрасного произведения шахматного творчества — молодую московскую периферийную студентку М. Шумилину. Так легитимно завершил ленинградский чемпионства свою партию с динамовской командой на чемпионате столицы нынешнего года.

МАСТЕРЫ 15 ЛЕТ

Нынешним летом «родился» самый молодой советский шахматный мастер. Это 15-летний школьник из города Шадринска, Курганской области, Юра Балашов. Выступая на классификационном турнире в Ленинграде проиграл «сестричку» азамантуров во главе с гроссмейстером А. Топухом. Юра продемонстрировал высокие новые качества, быстро реализовывая доминирующее теоретическое знание. Все это компенсировало недостатки практического опыта, позволяло одаренному сибирику на полторы очка выигрывать установленному мастерскому.

Предметом читателям разработать финал партии. Которую Ю. Балашов не считал своим стилем выигрыш у московского мастера В. Телешкина.

К этому положению партии пришли ходы 33-34. Годы черных. Юра играл белыми.

Последовало: 34. Сb2 Л1: e5 35. Фe7 Сb1 36. Фd7 Кf5 37. Фd6 Сb4 38. Фd1+ 39. Крf2 g5 40. К: g5+ Крg2 41. Кf1 g4 42. Кe5+! Черные сдались.

ВСТАТЬ, ГОСПОД СУД

ИЗ МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

ВОТ УЖЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ МИР С ТРЕВОГОЙ СЛЕДИТ ЗА ТРАГЕДИЕЙ, КОТОРАЯ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ НА ЮЖНО-ОКОНЕЧНЫХ АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ. НЕЧИСЛА ПРЕСТУПЛЕНИЯМ РАСИСТОВ ПРОТИВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ РАССМОТРЕЛ ВОПРОС О РАСИСТСКОМ РЕЖИМЕ В ЮАР, ОСУДИЛА ЕГО СВОИМ РЕШЕНИЕМ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ВОПРОС ЭТОЙ ПЕРЕСУЛ БЫЛ ВОПРОСОМ ТОЛЬКО ВНУТРЕННЕЙ ЮРИДИКИ И ПРИОБРЕЛ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

ФЕВРУА, КАК ДО НЕГО ГИТЛЕРОВСКИЕ НАЦИСТЫ, ПРЕВРАТИЛ РАСИЗМ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИДЕОЛОГИЮ И РАСИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОЗВЕЛ НА УРОВЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ. МЕЖДУ ТЕМ В 19 лет НАЗАД МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ В НУРМБЕРГЕ ПОКАРАЛ ФАШИСТСКИХ ГЛАВАРЕЙ, ПУБЛИЧНО ОСУДИЛ НАД ПРЕСТУПНУЮ САМУ ИДЕЮ ПРЕВОСХОДСТВА ОДНОЙ РАСЫ. ОДНО НАЦИЙ НАД ОСТАЛЬНЫМИ.

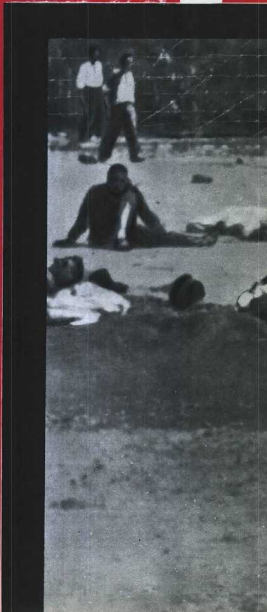
ВЫРАЖАЯ ГРЕВНОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ АНТИЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ ФЕВРУДА, ПОСТОЯННЫЙ СЕКРЕТАРИАТ ОТВЕТСТВЕННОГО КОМИТЕТА ВСЕМИРНОГО ФОРУМА СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОСВОБОЖДЕНИЕ, ЗА МИР РЕШИЛ ПРЕВРАТИТЬ ГЛАВУ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФЕВРУДА, КАК НЕСУЩЕГО ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБОБЩЕННЫЕ В ЮАР РАСИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, МЕЖДУНАРОДНОМУ СЛУДУ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

ДЛЯ СЕБЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ВИНОВНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФЕВРУДА БЫЛ УЧРЕЖДЕН МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ В СОСТАВЕ ПЯТИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ И 27 ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА. ГЛАВНЫМИ ОБВИНИТЕЛЯМИ НАЗНАЧЕНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЮАР, АЛЖИРА, ИТАЛИИ, СССР И АНГЛИИ. В КАЧЕСТВЕ ЧЛЕНОВ В КОМИТЕТ ВОШЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЛЕДУЮЩИХ СТРАН: ЦЕЯЛОН, ГАНА, МАЛИ, КЕНИЯ, ТАНГАНИКА, АНГОЛА, МОЗАМБИК, ЮАР, БАСУТОЛЕНД, «ПОРТУГАЛЬСКАЯ» ГВИНЕЯ, ЯПОНИЯ, КУБА, ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, БРАЗИЛИЯ, ШВЕЦИЯ, ЧИЛИ, АРГЕНТИНА, ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ИРАН, САУДСКАЯ АРАВИЯ, ГДР, СССР, ГРБ, БРИТАНСКАЯ ГВИАНА, А ТАКЖЕ ПО ОДНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ КОРЕННЫХ ДЕМОКРАТОВ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЖЕНЩИН. РЕЗИДЕНЦИЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА УТВЕРЖДЕНЫ: АЛЖИР, КАИР, ДЕЛИ И МОСКВА.

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ПРЕДЛАГАЕТСЯ ПРОВЕСТИ В ИЮНЕ 1965 ГОДА ВО ВРЕМЯ ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В АЛЖИРЕ. ВО ВРЕМЯ ВСЕМИРНОГО ФОРУМА МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ, ПРОХОДИВШЕГО В МОСКВЕ В СЕНТЯБРЕ ЭТОГО ГОДА. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПРОВЕЛ НЕСКОЛЬКО ЗАСЕДАНИЙ, ИРАЧЕ ОДНО ИЗ НИХ — 21 СЕНТЯБРЯ — БЫЛО ОТКРЫТО. ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ЮАР Ф. В. ФЕРВУДУ БЫЛА ПОСЛАНА ПОВЕЩАНИЕ, НО НЕ ЯВИТЬСЯ НА ЭТО ЗАСЕДАНИЕ, ОДНАКО ОН ОТВЕТИЛ, ЧТО СЧИТАЕТ СЕБЯ ЛЮДСКИМ ЛИШЬ «СУДУ БЕЛЫХ ГРАЖДАН ЮЖНОЙ АФРИКИ». НО ЛЮДСКАЯ СОВЕСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕ ЗАВИСЯТ ОТ ОТВЕТОВ НОЖИ — ФЕВРУДА БУДЕТ СУДИТЬ ВСЬ МИР. МЕЖДУНАРОДНОМУ СУДУ БУДУТ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ЛИШЬ ФАКТЫ, НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ.

ИТАК, СЛЕДСТВЕНЕ НАД ТРИНАДЦАТИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПНИКОМ И БРАГОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА РАСИСТОМ ФЕВРУДОМ ПРОВОДИТАСЯ.

МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛУ ФЕВРУДА, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ АНТИЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО ЕГО ПОЛИТИКИ.

ИН ФЕРВУР!
ИДЕМ!

Легализованный грабень

Режим Ферруа — это легализованная система ограбления африканского населения; более 87% земли захвачено и в законодательном порядке закреплено за белым меньшинством, которое составляет лишь 1/3 часть населения. А ведь эти 87% включают все золотые прииски, владения россыли. На этой земле находится все промышленные предприятия, все крупные города, все морские порты и аэродромы, все богатые фермы, энергетические ресурсы, железно-дорожные пути — все то, что было создано трудом, руками африканцев.

(Из речи главного обвинителя от СССР профессора В. М. Чкаидзе).

Несмотря на огромные экономические ресурсы страны, бедность, недовоедание и болезнь настолько широко распространены среди белой части населения Южной Африки, что это вызывает беспокойство по всей стране и было недавно предметом обсуждения в парламенте и в прессе.

Исследователи Университета Натала в Йоханнесбурге, исследовавшие в Лурбана, показали, что из среднего дохода составляет около трех пятых минимальных ежемесячных расходов, необходимых для простого существования...

Доктор Хансен, профессор педагогики в Университете Кейптауна, в октябре 1962 года заявил:

Общая смертность среди детей бунту в 25 раз, а среди детей «цветных» в 15 раз выше смертности детей белых...

Общая детская смертность среди африканцев просто ужасающая и колеблется от более 300 на 1000 человек в городах до 300 и 400 в некоторых сельских районах.

(Из доклада Специального комитета ООН по вопросу о политике апартеида в ЮАР).

Следует отметить, что с самых первых дней поселения белых в Южной Африке — хотя эти факты и не упоминаются в книгах по истории — практиковались уже существовавшая разница в оплате работы, так называемые «европейцев» и «натуральцев». И все же правительство Ферруа взяло на себя «труд» легализовать эту последнюю практику. Так, в 1956 году бурское правительство ввело систему трудовых резерваций, которая позволяет белым рабочим пользоваться исключительными правами на выбор высокооплачиваемых работ в государственных учреждениях, промышленности и торговле.

На колах белым разрешается быть только управляющими, надсмотрщиками, начальниками смены, инспекторами, экспертами по оценке алмазов и т. д. Между прочим, руководство новой вынуждено возить мешки, стальные, англикан и других белых, чтобы подготовить их для «белых» работ в том случае, если не удастся завербовать необходимое количество белых рабочих в своей Южной Африке. Даже до время окончания эти европейские рабочие получают в 5—10 раз больше, чем африканцы, имеющие 18-летний стаж. Теперь давайте посмотрим на условия работы в различных отраслях промышленности Гринландия, центром которого явля-

ется Кимберлей — мой родной город, где я работал учителем за ничтожную плату — 2 шиллинга в день, а то время как мои белые коллеги получали по 2 фунта в день только за то, что они делали мне указания.

Каждый человек, знакомый с экономикой, знает, что оплата определяется соотношением между спросом и предложением труда. В Южной Африке уровень зарплат определяет то, какого цвета нома у наиминусовееггс чернее «цветная» или белая. Я могу полюстия, что на юлпх в Кимберлей там называемые «индифференцированные» рабочие слопшь и рядом выполняють работу, которую должны делать «индифференцированные» белые. Очень часто белые доверяють работу своему подурочному и уходят выпить ромку или пооблать с приятелями.

И хочу привести статистические данные за июль—сентябрь 1961 года в Кимберлей там называемые «индифференцированные» рабочие слопшь и рядом выполняють работу, которую должны делать «индифференцированные» белые.

Год	Средний годовой заработок в фунтах
1961	1200
	70

(Из показания свидетеля Нганзи Доминге).

Я на собственном опыте познал, что такое безработица в Южной Африке: своим режисе Ферруа: мой отец был безработным в течение 8 месяцев.

Половина черного, ищущего работы в Южной Африке, «чрезвычайно» бедна. Большая часть населения заблудившемуся в пустыне, который не знает, что ему делать, не знает, куда идти — направо или налево...

Он постоянно опасается голода, ибо у него нет работы, а следовательно, нет и денег. Та небольшая сумма, которая есть, уходит на транспорт: ведь надо развозиться в поисках работы. Но ему все-таки нужно чем-то питаться, а если он что-то не ест, то лишается возможности развозиться и тем самым, автоматически уменьшает свои шансы найти работу.

Расходуя последние скудные средства на транспорт и питание, он понимает, что через короткое время ему придется голодать. Он понимает, что ему не избежать голода, и его охватывает страх.

Я помню, как однажды отец пришел домой в разорванном пижаме и окровавленной рубашке. Что случилось? Оказалось, он пошел искать работу туда, куда не полагалось ходить... в городской совет Моганнесбурга. Его привели для опроса и назвали мальчишкой, который задает множество глупых вопросов, из которых становится ясно, что, проработав 12 лет в качестве рабочего в Южной Африке, он отгуглил этии мальчишам, что может рабо-

тать в это раз лучше и так. Тогда они нахлебались на лице и стали бить. Поднялся такой шум, что явился полиция. Полициейс даме не спросили, а чей это ребенок, а полиция бросила отца в фулгон и отвезли его в ближайший госпиталь, чтобы избежать потери сознания. Когда он пришел в себя, ему ввели заплаты. 3 фулгона штрафа за то, что он пошел искать работу туда, куда полагается ходить, и 10 фунтов штрафа, потому что нежелание убраться с домой.

Это лишь один пример из многих. Но чернойс бьются не только голода. Поскольку у него нет работы, ему нужно стаать печатн на удостоверение личности (пропуск), эта печать означает, что данный человек имеет право искать работу в определенном районе, например, в городе Моганнесбурге или в другом месте. Веда заключаются в том, что если ему поставят три печати подряд, а он за это время не найдет работы, четвертую печать могут ему не поставят. А это значит, что он рискует равно или поздно попасть в руки инспектора по пропускам, и неизвестно, что с ним случится после этого. Его могут, например, задержать в тюрьме, или выгнать из страны, или «спустить» в глубине страны, где он должен найти работу, но даме не известно об этом.

(Из показаний свидетеля Раджула Стрйа).

Каторга для черных

Дворди Дьюб рассказывает, в каких условиях живут работники на «бурской ферме» Поттгерра:

«Помещение, в котором мы спали, принадлежало тюрьме и было таким же грязным, как и тюрьма. Оно было поделено на две комнаты. В одной комнате, и половина использовалась всеми рабочими (около 60 человек) для сна, а другая использовалась в помещении, когда нас заперли на ночь в тюрьму. Там мы спали на матрасах в одной комнате. В помещении стояла вода, особенно по воскресеньям, когда партия оставалась в течение всего дня. Мы почти все спали в одной комнате, одеждя и вещи партиями и были покрыты патными кровью. За все время, пока я был там, одежда ни разу не стиралась и не проветривалась. Мы спали на цементном полу. Воду мы получали, когда позвонили с поля вечером и перед тем, как идти на работу утром, очень редко нам позволяли пить воду в те-

чение дня. По утрам начиналась такая дряка за воду, что мне иногда не доставало ее. Там же и веером. Часто воды было еще меньше. Мы могли бы и речи о том, чтобы хоть раз помыться за все время».

Дворди Дьюб отбывает на Поттгерра 4 месяца. Он не получил никакой платы за свою работу. У работника в тюрьме меньше свободы, чем в тюрьме, вместо него выдают мешок с провением. Там же и партиями, но в помещении все время, пока не работает.

(Газета «Санди Ньюс», издающаяся в Дар-эс-Саламе, от 22.9.63 г.)

Каждый день в Южной Африке арестовывают более тысячи африканцев за нарушение паспортного режима, около 100 тысяч человек в год.

(«Санди Ньюс», Дар-эс-Саламе, 22.9.63 г.)

Официальная политика состоит в том, что африканец может искать работу только в том случае, если он согласен жить в «кварталах холостяков».

Жена рабочего-африканца, проживающего в городе, может пробыть у него не более 72 часов, причем только в том случае, если получит разрешение от официальных властей на том основании, например, что она хочет иметь ребенка.

Закон 1963 год, изданный в мае, предусматривает среди прочего задержание без суда на 90 дней лиц, заподозренных в совершении преступления или в том, что у них имеются сведения о совершении преступления. Этот закон, предназначенный для того, чтобы еще более прятствовать сорватьлю апартейду, подвергся поэмственной критике в Южной Африке и за границей, как уничтожающий законопорядок и создающий полицейское государство.

Телесные наказания обязательны за различные преступления. По официальной статистике, за последние десять лет арестованные получили в общей сложности 850 тысяч лет. В год 17 тысяч человек подвергались телесным наказаниям, получая в общей сложности 80 тысяч летлет.

(Из доклада специального комитета ООН по вопросу о политике апартеида в ЮАР).

Известен случай, когда подросток вошел в магазин, куда запрещено входить африканцам, и попросил выпить воды. Пейсиринг был вынесен мальчику и через несколько часов из полицейского участка был вынесен его разбултый отец. Оказалось, что подростку в наказание влияли насильно в рот несколько ведер воды.

(Из речи представителями ИАФЖК Н. Элз-Дулайим).

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ КОМИТЕТА

Приходилось ли вам когда-нибудь жить на улице зимой, огражденной со всех сторон голодом, проволочной и высочайшими стенами? Нет? А вот мне приходилось. И сейчас я вспоминаю, как меня вынуждали люди, работающие на заводах, пойти в котельную и ответить на то, что является Ферруд, который дернит африканцев в виде от нас и сейчас, причем отсутствие это продолжается от 9 месяцев до двух лет. Я даже не знаю, что предлог работы по так называемой «мониторингу», а в действительности это просто система использования принудительного труда.

Утверждают, что эта система именно принудительного труда, потому что люди попадают туда в результате незначительных нарушений режима прогулов и исключительной бедности, в которой живут африканцы, загнанные в гетто. Ничья в танки оставшихся, поневоле согласившись даже на работу в колах. Основным центром набора рабочей силы в соответствии с указаниями военно-административного департамента по делам племен Банту является так на-

зываемая Местная вербовочная организация, в которой работают и потирающие совесть люди, принадлежащие к черной расе. Мы их знаем «ближе», чем вы знаете их (прошаривались). Меня на вербовочный пункт привел местный страж беспартийных «блад», во время которых провоят прогулка. Вот таким образом в колы, которые можно назвать тюрьмами Ферруда. Ночники в колах являются мерзавцами и ужаснейшей расщелины, которые называются «тау-сан». Тау-сан — это котельня, куда подвергаются рабочие, чтобы предотвратить кражу амазав. Понемногу там выдвигаются догматы, после чего его расщепляют решетками, а затем направляют на маршево в госпиталь, где ему непрерывно дают слабительные. Те, кто выполняли свои обязательства по контракту, подвергаются еще раз этой ужаснейшей процедуре. «Тау-сан» — это котельня, и я знаю по собственному опыту, сиемо вас уверить.

(Из показаний свидетеля Панедри Зомбале)

Самостоятельная пятиферма в Грэмсби, штат Айова. Владелец фермы, вышедшая на заповедную территорию, обращенный в сторону государственной Иоганнесбург с Вилли Смитом, свидетельствует: «Платит ли вам? Он говорит: «Опасность! Трудно сказать, и вы знаете! Если вы войдете в это здание ночью, считайте себя погибшим. Войдите в здание ночью, и вы будете убиты. Вы лучше предупредите!»

GERMANS, NATIVES, INDIANS & COLOUREDS IF YOU ENTER THESE PREMISES AT NIGHT YOU WILL BE LISTED AS MISSING ARMED GUARDS SHOOT ON SIGHT. YOU DEVOUR THE CORPSES. YOU HAVE BEEN WARNED!

Возрожденное средневековье

17 апреля 1963 года в Иоганнесбург на железнодорожном складе инструментов произошел взрыв. Совершенно неизвестно, кто изобрел взрывчатку, представителями движения континентальной гетто в Лондоне. Злодей торговок Абдулех Диессет был арестован у себя в 3 часа ночи пятизвездочной полицейскими по подозрению в организации взрыва. Сначала его отвели в южноафриканской полицейской участок на Маршалл-стрит вместе с четырьмя другими подозреваемыми.

Несколько часов его продержали в комнате, а затем он был вывезен на допрос. Диессет отказался отвечать. Тогда на него надели маску, и завязали его под колени. Затем его повели за ноги и стали раскачивать. После этого были сняты ботинки и носки и в бокал налили водку. Прикрепили электрические провода, через которые стали пропускать ток. Все это время ему задавали вопросы о сабботе на о. тех, кто принимал в нем участие. На ноги лили воду, чтобы увеличить электропроводность.

После снятия электрической его заставили стоять на одной ноге, в то время как вторая нога была поджата к груди на протяжении 12 часов. Игнорил. Он сказал: «Когда они ударят, это будет ударом, они отнесут меня в другую комнату, так как сам я мити не могу. Позже я слышал крики от Мох Духа».

Этим же другим были четверо из террористического движения в Чарльза, Вандейвар, Напабаш и Набулу. Первые трое подвергались пыткам в тюрьмах Сакри и Дингиди. Набулу был расстрелян на месте взрыва.

(«Санди Ньюс», Дар-э-Салам, 22.9.63 г.)

Основывая на аппарате Южно-Африканской Республики имеет теперь больше оружия и средств передвижения, чем любая другая африканская страна, расположенная в Южной Африке. Это связано со странами НАТО обеспечивая их на диктаторские страны, которые поставляют оружием, военным снаряжением

В старину опавшие преступники ною обычно мазали, привязывая за конечности и лошади, и дождавшись прихода Генри Смит, эти пытки возродили южноафриканской полиции. В 1968 году они расстреляли престарелого мужчину по имени Вилли Смит, привав его между двумя грузинами. Вряд ли несомненно говорить о том, что Вилли Смит был былым или был, как его называют, «считены».

Как и во многих подобных случаях, все началось с несогласия в возрасте. Каким-то образом поозревал Вилли Смит в Генри Смит в ноябре 1958 года на ферме Глейксис, принадлежащей к Абдулеху и Генри Веррану. Полицья допросила Вилли Смита, его сына Стаки Смита и еще одного мужчину по имени Максимилио. Вилли Смит подвинулся на дереве ниже головы, и в жестоко небыли живы.

Они посидели в С. Смита на грузовой и отвели на место, которое он указал. Но никаких укреплений вещей там найти не смогли. Когда два полицейские надели новые накладки на пистолеты, Вилли Смит указал одну ногу к буферу одного из грузовиков, а другую — во второму. Один из них выстрелил в голову. Тот же человек Вент Нел, взошли в грузовик и Юна, Африка. Будет стучать «Санди Ньюс». Вилли Смит кричал, что его расстреляли на месте. После этой пытки Вилли Смит решил, что оставшие отныне его и отвели от участка в Хейлсбург. Максимилио Ступета 4 дня Вилли Смит умер.

(Газета «Коптгауэс дейли» от 13 и 14.5.58 г.)

ннем и вообще военную поддержку. Ферруд уже пытаясь изготовить свои собственные бомбы. Эти бомбы производят отравляющие вещества и тому подобное.

(Из показаний свидетеля Игнакни Зомбале)

Нынешний военный посредник между Вонгом и Феррудом — генерал Фох Меллентин (третий слева от Гитлера).

После разгрома гитлеровской Германии к нам в руки попали многие фашистские архивные документы, доказывающие, что Ферруд находился в связи с гитлеровским фашизмом. Мы обнаружили в архивах МИД документ с грифом «секретное военное дело», в котором указывается, что 6 августа 1948 года в ЮАР была создана военная организация по типу гитлеровских штурмовых отрядов. В числе членов этой организации был и Ферруд, а также почти все состав нынешнего правительства ЮАР. Эта организация была готова выставить 1600 тысяч своих членов и 15 тысяч вооруженных штурмовиков против правительства ЮАР, которое находилось тогда в состоянии войны с гитлеровской Германией. Для изучения и обработки этих документов в ГДР создана специальная группа из молодых юристов. После изучения материалов они будут переданы в распоряжение Международного следственного комитета.

Один из свидетелей упоминал о той роли, которую играют сейчас немцы в ЮАР. Известно, что после разгрома Германии более двух тысяч фашистов, спасаясь от возмездия, бежали в ЮАР и поступили на службу к Ферруду.

Чудовище слышать, что те же самые лица, которые помогли Гитлеру прийти к власти, помогают теперь Ферруду. Например, один из финансовых магнатов Германии, Абс, посетил несколько недель назад ЮАР и вел переговоры с правительством Ферруда. Известно, что Абс не только крупный банкир, но также один из председателей западного нюрнбергского атомного концерна «Дегусса». Содержание эти переговоры было расстрелять нем, необходимых для начала массового производства в ЮАР атомного оружия. После окончания переговоров были проведены испытания некоторых образцов атомного оружия.

Господи правдителя, друзья, я передаю вам достоверные и неопровержимые доказательства того, что правительство и монополию Западной Германии принимают все меры для атомного вооружения ЮАР. (Из речи члена Международного следственного комитета от ГДР К. Юрнера)

Проведение тайных переговоров в Южной Африке западногерманское министерство обороны поручило специалисту генеральному штаба бывшего гитлеровского вермахта генерал-майору В. фон Меллентину, который уже жил в Иоганнесбурге и проделал там большую подпольную работу.

Для доставки атомных бомб и дилонтовых газов, авиаль военных министр Фуше в июне 1958 г. совершил рейс в Южную Африку. (Запад, собственные телеураляемые радиопетельки авиационных душ.)

(«Таймс», Лондон, 28.10.63 г.)

Мы надеемся, что Международный суд обществности в ходе судебного процесса тщательно проверит все доказательства, представленные ему Международным следственным комитетом, и вынесет справедливый приговор.

Мы не сомневаемся в том, что этот приговором будет до конца раскрыта чудовищное преступная деятельность главы расистского правительства ЮАР Ферруда, что он получит заслуженное наказание от международной обществности. Мы не сомневаемся в том, что приговор Международного суда обществности раскрывает человекоунижающий характер колониализма и расизма.

(Из речи главного обвинителя от Индии, Председателя Всиндийского Совета мира юриста Дьявни Чоппи Дала)

Твердая решимость мировой обществности признать и позорному стобу расистский режим в ЮАР выражена в заключительных словах речи главного обвинителя от СССР профессора В. М. Чоппи: «Господи ВЕРРУДИ СОДРАГАТЭСИ СУД ИДЕТ, НЕОТВРАТИМО СУД ИСТОРИИ!»

Мастер спорта Иван Новожилов.

Чемпионка страны Нонна Козина.

М. ЗАЙЦЕВ
Фото
В. ТЮКЕЛЯ

ЛУК

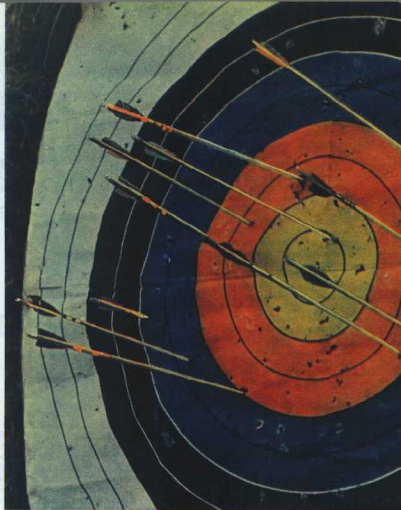

Прежде всего разрешите представить: Михаил Зайцев, восьмикратный чемпион СССР по лидерским гонкам на велотреке... Я так и думал, что вы удивитесь: какая связь между гонками и стрельбой из лука? Связи, конечно, нет никакой, даже многие товарищи надо мной подшучивали:

— Что это ты на старости лет детскими игрушками увлекся?

Что им ответить? Стрельба из лука — очень серьезный и увлекательный вид спорта, хотя и находится у нас, так сказать, в «младенческом» возрасте. «Заболел» я им, как и многие мои коллеги по новой спортивной профессии, семь лет назад, в 1957 году. Тогда в Москве проводился Третий международные спортивные игры молодежи. Участники игр и завлекли к нам в страну эту «экзотическую» новинку.

Впрочем, слово «новинка» сказано не совсем к месту. Ведь когда-то лук и стрелы были так же обидены и привычны, как ныне охотничье ружье. И с чисто спортивной стороны у современных Робин Гудов за спиной вполне «приличное» прошлое. Достаточно сказать, что первые правила соревнований были при-

И СТРЕЛЫ

наты за рубежом более тридцати лет назад, регулярно проводятся международные состязания и даже чемпионат мира. Говорят, что в 1968 году стрельба из лука будет включена в программу XIX Олимпийских игр в Мехико.

В нашей стране сейчас насчитывается несколько тысяч лучников, в том числе 32 мастера спорта. Москва, Львов, Рига, Киев, Таллин, Тбилиси — вот далеко не полный географический лук.

Попасть стрелой в мишень, отстоящую на 30—90 метров, не так-то легко. Попробуйте натануть тетиву, и вы убедитесь, что наши предки обладали неплохой «физической подготовкой». Но разве существует хоть один «легкий» вид спорта? Занимаясь стрельбой из лука, вы приобретете силу, выносливость, хороший глазомер — качества, необходимые каждому человеку. Это очень увлекательно, поверьте мне на слово. Ну, а если не верите, поговорите с автором этих снимков, фотокорреспондентом «Смены» Виктором Тожкелем. Он пришел к нам на соревнования, смотрел, фотографировал, а потом решил примериться к луку. И, представьте себе, сразу же выполнил норму третьего разряда. Попробуйте, может быть, и у вас получится не хуже...

Д. БИЛЕНКИН

ПОГУБИТИ ПИ СОЛЦЕ ЗЕМЛЮ?

Мало найдется людей, которые бы не читали «Машину времени» Уэллса. Не все, однако, знают, что герой этой фантастической повести кое о чем умолчал. Помните, как он мчался в будущее, обнаруживая странной жаждой видеть последнюю дель Земля? Он его увидел! Но с его машины творилось что-то неординарное: одновременно он наблюдал два варианта конца Земли.

Первый привел Уэллсом. Занесло его вторым вариантом долой времени ситилось утерянными. К счастью, недавно им удалось обнаружить. И что же открылось? Выяснилось, что те варианты, которые были спущены Уэллсом, повествуют о довольно сомнительной с точки зрения современной науки истории последних дней нашей планеты. Вероятно, путешественник по времени находился под чрезмерным влиянием теории конца прошлого века.

Пришла пора опубликовать более достоверный вариант. Итак, вот основные записки путешественника, наиболее точно отражающие уровень теперешних знаний о том, что ждет нашу планету через миллиарды лет.

«Даже в мигновений сияние лет стало заметно усиление солнечного света. Беневая скорость машины слегка снизилась, ход нашего светового уже не в дугу, а в широкую спиралистую завесу, которая, однако, постепенно бжекала, расплывалась, как во мгла. Я мчался тогда под колпаком из молочного стекла, озаренного снаружи мощной лампой.

Повинуясь уже не разуму, а безотчетному порыву, я резко затормозил машину. Сказать то же ощущение: словно во сне проваливаешься в пучоту. Стрелка на циферблате замерла на цифре два миллиарда лет. Машина стала прочнее посреди песчаной косы.

Не успел я перевести дух, как ударившая вальшая жара охватила меня. Но тлетно я искала Солнце. Его не было, как не было и самого неба. Туман, ватный горячий туман окутывал все. Сначала я испугался, что меня пригнула булавка и пушка, которая слышалась поодаль. Потом в фосфорическом кружении тумана, в изрезах ярких фантастических фигур, которые он свивал у земли, я увидел море. Оно кипело! Огромные пузыри лопались с треском разрываемой материи, выбрасывая стобы пара.

В ужасе я глядел на эту картину, на мигновение позавис об исполняющем жар, который исходил от земли,

моря, самого воздуха. Но полузабытые лампочки едва ли светулау. Я задыхался, чувствуя, что еще ми промедления — и я свариус в этом адском котле, некогда бывшем Атланта.

Когда я уже тронул рукоятку пушки, туман вдруг комкнулся в облаках и в разрыве показалось Солнце. Но какое! Огромное, грозное, в излах протуберанов, оно жалгло вокруг себя радугу, которая дробилась в облаках, как в амазских туманах. Все замлало таким нестерпимым переливающимся светом, что и сквозь веки я ощутил его жжение в пласку.

Вег машины уполза ту эту картину. Я обаявался умом. Так вот какова она,

Земля, спустя два миллиарда лет. С убийственной жарой, кипящими морями, палотой, как у Венеры, атмосферой водяных паров...

Теперь я вел машину медленно, планетас разоблачил в просторном. Сомнений не было: причина изменения — в Солнце. Оно уже перестало быть той спокойной и ласковой звездой, какой оно возникло некогда из утренних зорь. Оно эволюционировало у меня на глазах, превращаясь в звезду-титан. Да, так оно и должно быть. Неизменный облик Солнца не вечен, над ним выстулат законы развития, одинаковые для всех подобных костров вселенной. Видимо, раз-

Владислав КОСТЫРИН

ПЕРВАЯ РАБОТА

а прощание Лена подговла меня. От нее чинно пахло парными мошонками.

Ночью я долго не мог уснуть: все думала о ней и твердо решила — завтра же снажу «Даваш» поминаю!»

Когда наутро застрочил будильник, я сразу вспомнил о своем намерении. Не канло то было той прежней решимости. Да и с родителями надо бы посоветоваться.

— Наверно, мы с Леной расчленим сообщения и ни за застрочим там, между прочим.

— Лена девушка хорошалась, — вздохнула мама. Мои сообщения, по-видимому, не ее очень удивило. Папаша слегка усмехнулся.

— Не советуе спешить, меняться ведь успеете.

— Вот и дувай, как тут быть. Конечно, мама права: такую девушку не упустить. Да, я люблю Лену, и все такое прочее, но ведь и папаша зря не смеет. В его словах, наверное, есть определенный смысл. А может, действительно подождать?

По дороге на завод, в автобусе, я встретил Володюну. Он свой парень. Когда в обещанный первый мы стучимся в домино и Володяна мой партнер, против нас ничего не устроит.

— Выдал, твою Лену уже на Доске почетал? — Мизанератство доломил он. — Так и написанно: Лена Цветочник, фрезеровщик, ежедневно выполняет норму в 120 процентов. Интересно, когда же мы погулим на вашей свадьбе?

— Скоро, скоро, — невольно вырвалось у меня.

В самом деле, чего это я, дурачина, сомневался? Лена — Милая Лена, и все при ней. — Вот здорово! — обрадовался Володяна. — Значит, уже решено и подписано? — Конечно, — заверил я, любясь своей решимостью.

Начался обычный рабочий день. Я включил токарный станок и, вытанчив одну деталь за другой, ментал о том, как свиданя Леночке предложение, и оно безомленно, одними глазами отсветил.

— Ты где находишься? — пробурчал над ухом мастер. — А ну вернись на завод!

Черт возьми, и запорол детали! Этого со мной давно уже не случалось. — Игнат Игнатьич, нам смотрите на мениниту? — словно от ничего делаться спросил я, ставя чашку заготовку.

— На мениниту мениниту? Конечно или вообще? — Мастер придираюсь вплотную, пахнул табачищем.

— Ну вот, допустим, стоит ли мне меняться, э?

— Остановишься, будешь лучше работать!

Кто о чем, а наш мастер правде всего о производственных показателях. Его, может, серьезно спрашивали, а он так это, любя бы напомнить о влзлых обязательствах.

В обещанный первый мы мне пристали речичен-хотушам.

— А мы денешни серебом на свадьбе бы подероман!

— Откуда у нас танне свденнент? — хоторонили я. Эти болтушки по всекому в танне разнису унашли разные времена.

— Эх ты, иньсарь, — поспекулила она. — И что у тебе Лена наша? Лена у увидел в столовой. Красная носышка, горячий заплатки, в талии, как... Лена сидела за голубыми столиком, студила горячий кофе и светлела своим серым-синим умными глазами. Я вял обиде, подал и ней.

— Ты чего танно иньсарь! — спросила она, полжалея. Выходит, уже Ну вот, полжалея. Выходит, уже

и нахмурились мезла. Это сейчас. А что будет потом, когда поминает? Тогда вообще придется все время улыбаться.

— Зайди в комитет! — деловито бросил мимолетно наш комсорг. — Расчет комсомольской свадьбы.

— О чем это он? — спросила Лена.

Я сорвался с места, дотгал по комсоргу и танне спросил, о чем это он, объяснялась. Володяна опять наболтало, что мы с Леной, кандидаты в молодожены. Вот трепач!

Теперь придется. Нам парнишко готовил в этой столовке! Очень особенно. Не комитет, а хлябные норочки. И комитет без зачета. Хорошо бы вынести, чтобы отговорила Ленка. Впрочем, уже поздно выяснять.

— Подай сегодня в кино? Я буду на билеты, — предложила мой старший партнер.

— Но правда говоря, мне нинкуда не хотелось идти, но на всякий случай я сказал «да». Момент, и вечеру закончился.

В чехе я преиде всего сини струнку с Володяна по длинный дыки. Он оправдывался:

— Володяна наивенному комсоргу, а двоимчии подслушала. Хотел для нас лучше сделать. Дунал, все уже на месте.

Он дунал! Он хотел! А вот я не хотела. Мне же, что-то дунал! Я и сам не мальденный!

— Все, Володяна! В домино ты мне больше не партнер!

У станка я был злод, как черт, и неожиданно для себя зророво переключилась норку. Игнат Игнатьич зал:

— Всегда там работай, и для тебя найдется местечко на Доске почета.

Успокоился я по дороге домой, в автобусе. Давно стало иднито все равно. Надо ведь тогда-никогда меняться. Иначе мениниту, кто танно устрелит ся. А уж с Леной-то мне всегда будет легко.

И вот и полнаст сборник Есенина. Любимая. Сменил рубашку. А в последний

меры Солнца уже достигая орбиты Меркурия, и эта планета перестала существовать, створив в пламене центральное светило. Отныне Земля по-лучала свет в ступенчатом порядке. Вокруг орбитической земли, конус ледяной тинины, дреблетивно тлея, залаял трав на скожном лулу. Кошачье, что делало Землю Землей.

Иногда жекала в предке, но желание увидеть, чем же все это кончается, не оставляло меня.

На короткий промолвок, когда атмосфера чуть успокоилась и пар разошелся,—нет, мне не изменилось,—я различил в клочковатой воде островки каких-то белых, похожих на водоросли растений. Я был изумлен, что они не испаряются, рискуя задохнуться. К счастью, я вовремя удержался. Чему я радовался? Тому, что не все исчезло на планете, тому, что жизнь не погибла, как мне показывало высшее. Впрочем, об этом можно было догадаться и раньше. Живые термофильные бактерии не могли во время беды отпасть в воду выходящих источников? Разве некоторые виды водорослей не чувствовали себя уютно в среде льда Антарктиды, среди льдов Сатрапи Коченова, не все полярные Косцы-тучки, прыскающие, являются к существованию в ледяные, пережало экологическую катастрофу.

В скитаниях по времени машина уносила меня дальше. Мало-помалу туман стал редеть. Облака уже не так непроницаемо закрывали небо. В нем мимолетно проскальзывали абрисы незнакомых созвездий, показывалась звезда. Они зарились увеличивались, цвет его изменялся, погорбилось. Иногда оно вновь вспыхивало нестерпимым пламенем, но ненадолго. Солнце гасло. Нет, ошибаясь; наступала полая ночь. Оно светило, но светило неясно, меркло. Воздух ясен. Это возмало мне заметить, что дель и вочи стали гораздо длинней. Вероятно, сказало тормозящее влияние Луны.

тавшею до инно время придумок. Космо-Космо совмещая новую идею ит и принимая, что здесь можно изменить с приходом Луны «двухэтап». Мы посетовали командиром «двухэтап», а потом я проводил Лену до обочины. Мы шли, держась за руки, как полагаются влюбленным. И говорили о счастье.

Что нужно человеку для счастья? Проще всего нужен человек, которого ты любишь. И тогда тебе пойдет за тобой в огонь и в воду. Конечно, это еще не все. Понимание — также.

Мы стояли в волшебном лунном подьезде. Сердце мое билось в трепетной радости. Я не хотел ни о чем думать, и я любил тебя и я, что ты бы были вместе. Навсегда.

Глаза прищипла, глаза ее блеснули счастьем, я прочел в них ответ: отныне всегда ты будешь со мной, и ничто не различит. Такие минуты запоминаются на всю жизнь...

«Прощай, свобода» — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Только не говори мне сразу «дальше чист», не слыши, подулать хорошишь. Не говори, как бы не погнать, потом... спохватился я же... Есть у меня недостаток, полюбил я начинать, и недостатков хоть отбавляй. Я ведь не инквизитор, а обыкновенный товарищ. Прощай, и говори мне, что ты будешь делать, и тому же самолюбивый, нехороший человек, но нежный, нежный, ну ты меня мучишь твердостью, решительностью...

— Чашка моего слова будто ударило Лену, она сделалась чуждой, далекой, глаза ее повернулись в сторону.

— Ты много рассудилась, — сказала мне Леночка. — И значит, не любишь. Она ушла, не прощаясь. Я остался один в мерлом лунном подьезде, в чужой.

Я исполнил про номомелую судьбу, ревнивая полная нежность...

Сам же Луна заметно уменьшалась, видимо, оттоная дальше от планеты. Повело холодом. В непроницаемой черноте вочи кружились свет. День Луны был владыкой темнотой. Море исчезло. Я заторопился.

Возвратная пустыня простиралась безгряд. Над адедвыми, заснеженными полями висела крупная снежинка звезды. Я не сразу узнал в ней Солнце. Его серпик свет торжественно на ясной земле. У горизонта сияли другие звезды. Их стало меньше, видимо, разбегание галактик разредило пространство, выгнало значительную часть далеких источников света.

Нигде на нашей планете не было и признака гор, даже простого поднятия. Может быть, значительная часть радиоактивных элементов успела распадаться, и земнотельная деятельность Земли замерла. А возможно, что дед сквола уже и землоу и море толстым панцирем. В пользу этого говорили некоторые и существующие горы.

Я сделал шаг в сторону от машины. Густые дымные тучи лежали на земле. Снег звыгивал под каблуками, и лишь один этот звук нарушал мертвую тишину. Односторонне нахалось на меня. Так вот как выглядел последний час Земли, когда Солнце превратилось в белый карлик, уже не могущий согреть ее своим теплом!

И хотя будущее как открытку клеить. Сменился еще прежде миллиарды лет, Солнце потухнет вовек, атмосфера замерзнет и упадет на земную вековую саванну. И будет кружиться промерзший комочек твердой и бесконечной материи. В это время, пока новый, неведомый мне процесс эволюции не превратит его в нечто новое, совсем непохожее. Ничего не полюбил, не изменил, а отвечает надоло. Все погибшее равно или подобно возрождается в другом обаяке. Но это новое уже не будет Землей...

На этом записки образуются. Однако поре раскрыть маленький секрет. Эти страницы написаны, конечно же, не Уэлсом. Но именно таким должен был быть расказ путешественника по времени, если бы он совпадал с современными гипотезами о судьбах Солнца и Земли как космических тел.

И все же... И все же ничего этого не будет. Вернее, не должно быть. Будет кипищит океанов, гигантского сжигающего Солнца и затем адедной смерти планеты.

Нет! Дело не в том, что эти страсти придуманы. Они не придуманы. И не в том, что гипотезы, позволяющие нам увидеть последний день Земли, узким для критики. Возможно, они неверны в деталях, но дело состоит же в этом. Конеч Земля как космическое тело неизбежно, но или заранее предрешен ходом природных процессов.

Заметим, эпиродных. Но разве сегодня, сейчас жизнь Земли определяется только природными процессами? Размах стихийных сил, изменяющих растительный мир, давно уже тшущется перед сознательной волей человека. Человек осваивает пустыни, засекает Землю культурными растениями. Эти отходы не «природные» изменения нашей планеты столь стремительны и заметны, что если бы на Марсе были астрономы-марсиане, они соорзили бы: зря безраздельного господства стихийных сил на Земле кончается. Разум приобретает на себя управление и контроль за событиями.

Но если бы случилось непонимание «ядерной войны» — она стала бы мировой и последней, тогда даже в космической истории Земли. Такова обратная сторона могущества, достигнутого человеком.

Мы верим, что народы не дадут милитаристам использовать это могущество вот так, во зло. Что отныне и впредь оно, это могущество Разу-

ма, будет служить лишь благу. Сознание того, какие космические силы уже подвластны нам, позволяет утверждать, что испепеляющий жар Солнца на облати нашей планеты, а последующий холод ее заморозит. Люди будущего попросту не допустят этого, как наши современники не могут допустить ядерной катастрофы.

Сколько было на счетные машины времени, когда Солнце начало разорваться? Примерно два миллиарда лет. Стоит вставь карандаш и, прославив же развитием науки и техники, прикинуть, как будут расти силы и возможности свободного от угнетения человечества, и воображение тутчас парусит картина поразительная и грандиозная: Куда более поразительные, куда более грандиозные, чем те, о которых рассказывал путешественник по времени.

Благодаря столетиям (в скорей своею ближайшем столетии): орошение пустынь, уаушение климата, укрощение подземных стихий — землетрясений, практически неограниченные энергетические ресурсы Солнца, освоены все планеты солнечной системы, проложен путь к звездам.

Важнейшие тысячелетия: люди научаются управлять световыми змеями, они уже смогут прыгнуть Солнце, как слаником разогнаться кстер, если в этом будет нужда. Ну, а уж на Земле и Padova не останется ни одного стихийного процесса, которым нельзя будет управлять.

Какие же возможности будут тогда у разума, через два миллиарда лет? Об этом не расскажет никакой путешественник, потому что управлять нельзя. Перестройка галактик, бессмертие, проникновение человека во вселенную на миллиарды световых лет! Все эти пока фантастические возможности вытекают из существующего.

Ну, а дальше? Воображение пасует...

роторель, но лучше тудли. Пришлось идти в мастерскую. Пришлось идти в мастерскую. Пришлось идти в мастерскую и круглая, как снежная баба, с чернотой тудли, сивушки, и круглая, как снежная баба, с чернотой тудли, сивушки и сивушки.

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

— Прощай, свобода! — и зарплату отведенного похолодел я... и зарплату отведенного похолодел я...

Словарь Сатаны

Амброз Бирс (1842—1914) — известный американский писатель-новелист, современник Эдгара По; вполне заслуженно он почитается большим мастером «страшных» рассказов. Во время гражданской войны Бирс находился в армии северян. Позднее занимался журналистикой.

«Словарь сатаны» — результат многолетней работы писателя. В «Словаре» в яркой форме, едко и зло осмеивает досюда американской действительности. Многие из идей «Словаря» вполне сохранили свою злободневность.

АМНИСТИЯ —

великодушный жест государства по отношению к тем преступникам, называть которых ободило бы синим дорогом.

АРИСТОКРАТ —

дар природы — предназначаемый для богатых американских дед, которые жаждут испытаний, высокого общественного положения и мун светской жизни.

БЕЗЗАКОННОСТЬ —
сизинии богатства.

ВЕЖЛИВОСТЬ —

наиболее приемлемый вид лицемерия.

ВИСЕЛИЦА —

сцена, где ставились средневековые мистерии, в которых главный герой отправляется на небо. Американская виселица отличается от других тем, что очень многие избивали ее.

ГОД —

период времени, состоящий из трехсот шестидесяти пяти (шести) разочарований.

ДРУЖБА —

корабль, в хорошую погоду способный везти двоих, а в плохую — только одного.

ЛАДОНЬ —

своеобразный инструмент, который носят на конце руки, чтобы запускать его в чей-нибудь карман.

ЛАЧУГА —

плод цветка, называемого дворцом.

МОЕ —

принадлежащее мне, если я могу держать или хватать это.

НЕЩАСТЬЕ —

чрезвычайное или недодуманное напоминание о том, что дела в этой жизни идут совсем не так, как нам бы хотелось. Несчастья бывают двух видов: неудачи (наши собственные) и удачи (наших ближних).

ПЕРЕСЧЕТ (голосов) —

в американской политической жизни повальной розыгрыш, любезно предоставляемый игроку, против которого подставлены карты.

ПИРАТСТВО —

коммерция без позорас, такая, какой ее создал господр Бог.

ПОЛИЦИЯ —

вооруженная сила, предназначенная для защиты преступников и соучастников в преступлениях.

ПРЕДАННОСТЬ —

добродетель, присущая тем, кого вот-вот предадут.

ПРЕРОГАТИВА —

право властвующей особы на несправедливость.

РЕСПЕТАБЕЛЬНОСТЬ —

результат комбинации из плешивой головы и банковского счета.

РЕФОРМА —

акт, более всего устраняющий реформаторов, враждебных но всяким реформам.

СВЯТЫЙ —

покойный грешник, представляемый в исправленном и улучшенном издании.

СПИНА —

та часть тела вашего друга, которую вы можете лицезреть, как только окажетесь в беде.

СУДОПРОИЗВОДСТВО —

машина, в которую входили порошником, а выходили колбасы.

ТЕРПЕНИЕ —

мягкая форма отчаяния, замаскированная под добродетель.

ТЕЛЕФОН —

дьявольская выдумка, уничтожившая всякую возможность отделиться от нежелательного лица.

УСПЕХ —

один из самых чудовищных преступков, которые никогда не прощались собратьями по профессии. В литературе, и в особенности в поэзии, предосылками для успеха чрезвычайно просты и великолепно исполнены.

ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО —

уничтожение одного человеческого существа другим. Бывает четырех видов: преступное, извечительное, оправданное и похвальное; однако для того, кого убивают, безразлично, каким способом это делается.

ЧЕСТОЛЮБИЕ —

всеподальнее желание при жизни быть поносимым врагами, а после смерти — осмеянными друзьями.

ЗРУДИЦИЯ —

пыль, вытряхнутая из книг в пустой череп.

Перевел с английского
Н. АНАСТАСЬЕВ
и Ст. ПШЕННИКОВ

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Первая страница обложки. Эльмира САВВИНА, редакторка настоящего издания № 2, г. Москва. О ней и ее подругах читайте на стр. 7.

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-63; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-50-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-09; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Сажокин.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Кравский (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчиков, А. Б. Стуков.

Рукопись не возвращается.

Формирование О. Безухова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00494. Подписано к печати 22/Х 1964 г.
Тираж 130000 экз. Изд. № 1915.
Заказ № 2741. Формат бумаги 70 × 108/16.
2 бум. л. — 548 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Находясь в одной из теоретических поездок по Волге, мы прочитали в «Комсомольской правде» о почине саратовских студентов, добровольно отравившихся на стройку Балаковского химического комбината. Сто два комсомольца составили ударный студенческий отряд.

Изменила маршрут командировки, мы на свой страх и риск заехали на сутки в Балаково и точно так же, на свой страх и риск, написали эту песню...

ГЕОРГИЙ СВЕТОВ,
ЕФИМ ЧЕРНЫХ

УДАРНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ

Слова Ефима ЧЕРНЫХ

Музыка Георгия СВЕТОВА

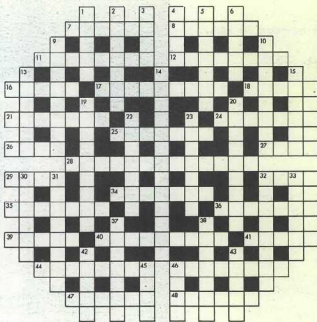
Ударный студенческий —
Сто два комсомольских билета,
Отряд наш студенческий
Сегодня на стройке живет.
И знают в Саратове:
У нас комсомольское лето,
Рабочее, жаркое,
Хоть снег потихоньку идет.

Юристы, геологи,
Студенты со всех факультетов,
Упрямая молодость,
Веселый и дружный народ.
И знают в Саратове:
У нас комсомольское лето,
Рабочее, жаркое,
Хоть снег потихоньку идет.

Пройдут дни и месяцы,
И снова, друзья, на рассвете
Ударный студенческий
Отряд в Балаково придет.
И скажут в Саратове:
У нас комсомольское лето,
Рабочее, жаркое,
Хоть снег потихоньку идет.

Ударный студенческий —
Милльон комсомольских билетов.
Ударный студенческий
Отряд за отрядом идет.
И знают в Саратове:
У нас комсомольское лето,
Рабочее, жаркое,
Хоть снег потихоньку идет.

В ТЕМПЕ МАРША

КРОССВОРД

Составил М. ТОРОПОВ,
г. Улан-Удэ.

По горизонтали:

7. Небольшая певчая птица. 8. Поэт, автор текста «Гимна демократической молодёжи мира». 11. Столица европейского государства. 12. Устройство для проколки свианины. 16. Небольшое поселение в Древней Руси. 17. Опера Д. Верди. 18. Русский писатель. 21. Горная система в Европе. 24. Сигнальный взрывной снаряд. 25. Областной центр РСФСР. 26. Предварительное условие, обязательное в споре. 27. Река в Индии. 28. Раздел математики. 29. Город в Сибири. 32. Войсковая часть. 34. Стихотворение В. Маяковского. 35. Основное население одного из азиатских государств. 36. Свидетельство о рождении. 39. Город в Эстонии. 40. Силуэтность и определенно делу, занятию. 41. Марка советского телевизора. 44. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 46. Вышеящее лиственное растение. 47. Река, вытекающая из Байкала. 48. Тяжёлый тугоплавкий металл.

По вертикали:

1. Спутник планеты Сатурн. 2. Государство в Африке. 3. Мартина И. Левитана. 4. Процедура для игры в теннис. 5. Производственные расходы, издержки. 6. Летчик. 9. Советский композитор. 10. Старинное металлическое оружие. 13. Прямость. 14. Радушие, гостеприимство. 15. Отряд пограничной охраны. 19. Посиделки на Украине. 20. Автор картины «Отдых после боя». 22. Роман Д. Альфьева. 23. Отрезок стебля, ветви для прививки и другому растению. 30. Французский певец и киноактер. 31. Электронная лампа. 32. Общее название высшей школы. 37. Музея в Ленинграде. 38. Иллюстрированный музыкальный инструмент. 42. Металлургическая печь. 43. Китайское название, обозначающее в лесах Америки. 45. Страна на Аравинском полуострове. 46. Запрещение или приостановление законопроекта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 20

По горизонтали:

7. Институт. 8. Бетховен. 9. Адфей. 11. «Норма». 12. Тимирязев. 13. Динамик. 15. Карлвин. 18. Арнольд. 20. Тюмень. 21. Снежок. 24. Володар. 27. «Надлина». 28. Идальго. 31. Вьюграфин. 32. Альта. 33. Роман. 34. Лавочник. 35. Алагомак.

По вертикали:

1. Аналогия. 2. Отметка. 3. «Муранда». 4. Шенченко. 5. Болотца. 6. «Горняк». 10. Криволе. 14. Милочук. 16. Ротонда. 18. Рондо. 19. Танго. 22. Токкард. 23. Магеллан. 24. Барцалли. 25. Дилжанс. 26. Агитация. 28. Инсаров. 30. Ледокол.

Зинаида Пронюева в этом году окончила Государств в е н ный институт имени В. И. Суринова. Защита ее диплома прошла блестяще. Для всех стало ясно: появился новый замечательно одаренный, театральный художник, у которого и цвет и рисунок служат главному — созданию яркого театрального образа.

Зина — человек мыслящий остро, самобытно. У нее склонность к решениям предельно простым, обобщенным. Она старается и тому, чтобы ее декорации соответствовали самой сути пьесы. Для

диплома она выбрала два спектакля: инсценировку «На рубчике столетия» А. Довженко и «Недоросль» Д. Фонвизина для мюзиклового театра. Особенно интересна вторая работа.

В мюзикловом театре, как ни в каком другом, успех спектакля зависит от художника, от его умения «сочинить» яркие, выпуклые характеристики действующих лиц, от его остроумия.

Пронюева очень интересно придумала декорацию с, казалось бы, невыразительным сочетанием деревянного темного срубца и белых деталей классицистической архитектуры времен Фонвизи-

на. Все очень четко, ясно, легко обозримо, как и должно быть в мюзикловом театре. Каждая деталь — веселая, тяжелая. Повторите, как Зина превращает колонны «с ног на голову», ставит их вниз капителями. Декорации дома Простановых — это уже сама по себе точная характеристика его обитателей — мелкопоместных дворян, чье невежество, дичность, варварство бичует Фонвизина.

Потом появляются куклы — целая галерея типов, сделанных остро, гротесково. Госпожа Простанова и полыхающая напосе, с воздетыми мученистими, розовыми ручищами и белым-белым напудренным лицом, на котором выделывают нос картошкой и ярию накрашенная рот. Ее облик увеличивает словесная приписка, этаная спираль-пиррамиды, пронзающая воздух. Перед вами невежественное, грубое создание, разгрызающее светскую даму.

Г-н Сюттин — с лицом в форме груши. Естественно, самая узкая часть ее — лоб. Щени и зад — самые увесистые и значащие части его организма.

Тупой обмор Митрофануша, занимающийся тем, что старается зажать перо между носом и ртом. Он может уже ничего и не говорить настолько красноречия его облик.

И умища, рассудительный добрый молодец Тришка. С ясным взглядом, открытой улыбкой и большим умелым кулаком. Истатки, обратите внимание, как Зина делает каждому персонажу. Мясные розовые мугала Простановых, выскокше от работы, черные руки и лица, именные, бездельные лапуши Митрофанушки. Гени — очень важное средство характеристически действующего лица.

«Недоросль» — Зинаида Пронюева — это не обычная дипломная работа новичка, никогда не работавшего в театре. Это острый, яркий, презентативный, который Зина поставила и в котором сыграла все роли.

После защиты диплома Пронюевой предложено сделать декорации к «Недорослю» в Центральном детском театре. Помогает молодой художнице большого творческого успеха.

Е. РАКИТИНА

